

Наталья Морсова

Мне ангел крылья подарил



УДК 378(092)
ББК 74.58г
М 80

Морсова Н.Е. Мне ангел крылья подарил. Избранное. Публицистика, проза, фотографии. – 000 с.

Литературно-художественное собрание произведений «Мне ангел крылья подарил» – это подарок детям и взрослым, которые любят наблюдать за природой и открывать её тайны. Однажды в детстве меня коснулся ангел натруженным крылом и научил видеть красоту первозданного мира и чистоту человеческих отношений.

Поэтическая проза и фотографии выполнены совместно с Сергеем Морсовым в Карелии на просторах Ладожского озера – уникального уголка русского севера.

Автора волнует духовное здоровье России, чтобы никогда не иссяк её первородный источник времён.

На страницах книги бьётся родник чистого русского слова, забьётся он и в сердце пытливого читателя.

Морсова Наталья Евгеньевна – член Союза журналистов России, международного Союза славянских журналистов, литературной Студии «Свежий взгляд», педагог, кандидат исторических наук, дипломант отечественных и международных конкурсов в области прозы, публицистики, фотографии. Публикуется в журналах: «Природа и человек. XXI век», «Наш современник», «Охота», «Охота и рыбалка XXI век», «Шпindelъ», «Будь здоров!», «60 лет – не возраст!», «Истина и жизнь», в альманахах: «Страницы семейной славы», «Война проходит через сердце», «Алтарь Отечества», «Друза», «Шарманка», в энциклопедии «Самые красивые места России», в интернет изданиях. Лауреат Артиады народов России. Государственным комитетом лесной промышленности России номинирована на премию отрасли «Журналист года». Имеет медали «Патриот России», «За верное служение отечественной литературе» и др.

namorsova@yandex.ru

© Фото Наталья Морсова и Сергей Морсов
© Автор рисунков Томаш Ален Копера

ISBN

Мне ангел крылья подарил

Пышная луна и крупные звёзды ночного неба, какие бывают в самые кусачие морозы, пристально вглядываются в окошко деревянного домика. Комната тускло освещена керосиновой лампой. Бабушка строго воспитывает внучку. Вынутая из обледенелого панциря одежды девочка бежит вокруг окаменелой пирамиды, которая стоит сама по себе. Но скоро замёрзшая конструкция разваливается, пальто падает, штаны теряют устойчивость и оседают на валенки. Бабушка мокрыми шароварами шлёпает внучку. Я горько плакала. Но недолго, потому что бабушка накормила меня вкусной картошкой, томлёной в русской печи на топлёном козьем молоке. Вкуснее запечённой пенки ничего не бывает.

Сегодня такой радостный день: мне исполнилось четыре! Утром бабушка нарядила внучку в малоношенные валенки, в новое пальтишко, шапочку и шаровары, перешитые из своего единственного драпового пальто, и отправила показаться на людях. Я важно прошлась по улице и побежала к подружке Тане. Мы играли в деревянные свистульки и тряпичные куклы с нарисованными химическим карандашом глазами, а потом катались на картонке с ледяной горки. Морозы стояли такие сильные, что незамерзающий ручей на нашей Ручейной улице покрылся льдом. Вот здорово! Теперь можно катиться с горы прямо в ручей.

Бабушка Анна Павловна не работала в колхозе, а жила разными подработками. Национализация земли и сплошная коллективизация вынудили её покинуть родную деревню. Голод загнал женщину с тремя детьми в провинциальный городок с домишком в три окошка и с большим огородом.

До революции весёлая и статная Аннушка служила горничной в барском доме, барыня отмечала расторопную девушку, перед войной выдала её замуж за усатого кавалериста и подарила батистовые наволочки. Первый бабушкин муж Сергей с мировой войны пришёл живым, а погиб в Гражданскую, осталось двое детей. Второй – Василий сгинул в начале тридцатых, осталась дочь. Он был директором леспромхоза, деловой, весёлый. Жили в ладу и в труде, а потом его позвали «на повышение» в районный центр, где он и пропал. Анна Павловна искала, ездила, куда следует, но ей отвечали: «Ты бы мамаша не ходила сюда, от греха подальше». Старшие дети уехали в Ленинград на заработки, пережили войну. Анна Павловна осталась с младшей дочерью Валентиной, которая перед войной окончила семилетку и поступила в педучилище. Боевых действий в Костромской области не было, но хлебный паёк по карточке иждивенца стал мизерным. Моей будущей матери Валентине Васильевне было пятнадцать, когда она совершила геройский поступок: принесла на себе эвакуированную из Ленинграда в Котельнич двухлетнюю племянницу Нелличку Потёмкину. Валюшка пешком прошла сто километров до станции Галич, а затем в военном эшелоне



Анна Павловна и Сергей Корнилович



добралась до Котельнича Кировской области. Обратнo девушка шла без еды и воды дождливой осенью через леса, минуя опустевшие деревни и сёла. Анна Павловна выходила малышку. После войны Нелличка вернулась к маме в Ленинград.

В сорок первом на подводах в город Солигалич привезли истощённых блокадников и оставили на центральной площади. Местные жители разбирали едва подающих признаки жизни людей по домам. Анна Павловна взяла к себе двух девушек и выхаживала их козьим молоком и картошкой. Одна девушка долго болела и умерла. А вторая окрепла и после снятия блокады вернулась в Ленинград.

Валя Большакова по комсомольской путёвке поехала через полстраны учительствовать в разрушенное войной село, потом в Москву, вышла замуж, и на свет появилась я.

Война кончилась. И вот теперь меня привезли к бабушке на поправку здоровья. Бабушка сама обрабатывала землю, с которой мы и кормились. Бывало, выйдешь в огород, а там огурцы, помидоры без всяких теплиц растут. Выдернешь морковку за хвостик, вытрешь о беленькое платьице в синий цветочек, сшитое из барыниной наволочки, и сыта целый день. С хлебом ещё долго после войны было трудно, сахар и конфеты подушечки продавали по талонам, и бабушка часто кормила меня невкусной варёной репой. Соль выпаривала из грязевого источника, горькую, непригодную для питания, но другой вовсе не было.

Лето – благодатная пора! Можно бегать босиком, играть с подружками в магазин, в котором сколько хочешь хлеба и конфет. Надо только добежать от крыльца до калитки, но задиристый петух Гоша не даёт прохода: он преследует и клюёт в босые пятки. Почему он меня невзлюбил? Порой, я сидела на крыльце и плакала. Но слёзы на драчуна не действовали. Возможно, он видел угрозу для своих несушек? Голосистый забяка был необыкновенно хорош: красно-зелёный длинный хвост и высокий гребешок придавали ему храбрости. Самовлюблённый петух считал себя красавцем, гордо вытягивал шею и строго наблюдал за курами, они его боялись. Я тоже боялась. Мне бы только добежать до калитки. А там – свобода: ни бабушки, ни петуха.

Единственной моей обязанностью было пасти коз Таньку и Маньку. Козочек я очень любила, разговаривала с ними, заплетала косичку на загривке. Всю жизнь мечтала завести таких же. Однажды я оставила коз под их собственное наблюдение и ушла за околицу. День был жаркий, солнечный; колхозное поле, расцветшее ромашками и васильками, дышало сладким клевером, люцерной и горохом. С тех пор белая ромашка и синий василёк – любимые цветы моего детства. Вы когда-нибудь ходили босиком по пыльной дороге? О, это блаженство. Ногами взбиваешь горячую пыль, она клубится, окутывает пыльным облаком, ложится на волосы и одежду. Когда вернулась на лужайку, коз не было. Неужели потерялись? Но Танька и Манька были уже дома. Бабушка вымыла меня в деревянном корыте простым мылом и напоила парным молоком, самым вкусным молоком на свете.

На следующую зиму мне исполнилось пять. Бабушка подарила любимой внучке плетёные из

лыка санки за 3 рубля 50 копеек. Деньги копила с лета: на городском рынке продала мешок огурцов за три рубля. Можно было купить за три рубля без спинки. Но она купила со спинкой. Я катала саночки за верёвочку, потому что меня катать было некому. Но с ледяной горки лучше ехать на фанерке или картонке. И я пересела на картонный транспорт. А санки пригодились для другого. Наши соседи по Ручейной улице Осиповы жили в достатке. Дядя Витя, фронтовик, хоть и пришёл с искалеченной рукой, но всё мог делать. Однажды им привезли полуторную машину дров. Дядя Витя колот, тётя Нина, ребятишки и моя подруга Таня складывали поленницу. А я возила на саночках. Как не помочь? Моё транспортное средство оказалось, как раз кстати. Благодарные соседи накормили меня обедом, отчего я старалась ещё больше. К вечеру с развалившимися санками и с отломанной спинкой вернулась домой. Бабушка встретила меня чернее тучи и от души напододала валенком. Вот те раз! Меня учили быть доброй, как герои любимой книжки с рассказами для детей Льва Толстого. Почему в книжке пишут одно, а на деле другое?

Выступления перед публикой с табурета доставляли мне огромное удовольствие. Бабушка с подружками по праздникам засиживались за самоваром, пили чай вприкуску с колотым сахаром и слушали выразительное чтение стихов. Гости дружно аплодировали и снимали артистку с табурета. Теперь можно бежать на горку.

К церкви бабушка приобщала меня тайно. В доме висели старинные иконы, вечерами горела лампадка, бабушка молилась и читала вслух толстую книгу с цветными картинками про божьего человека Алексея. Я плакала от жалости к многострадально-

му подвижнику церкви. Таинство крещения происходило не менее скрытно: зимним вечером без свидетелей. В нетопленной Никольской церкви, что стояла возле кладбища, гулял мороз. Батюшка посадил меня в ванночку и поливал тёплой водой, долго читая молитвы, так долго, что бабушка стала его поторапливать. Почему я не заболела? Первый крестик скоро потерялся. Искали в завалах снега и не нашли. Второй крестик служил недолго: мама узнала нашу тайну...

К семи годам меня забрали в Москву. Мы жили в маленькой комнате большой коммунальной квартиры с общей кухней, где без конца варили, стирали, сушили бельё и играли дети. И я заскучала: по простору, ледяной горке и милым козочкам. Заскучала и мама. Она окончила пединститут, и мы поехали в Карелию, где её ждала престижная работа инспектора ГОРОНО, а с ней отдельная квартира. Приехали в маленький финский городок, окружённый могучей тайгой, в высокие снега, холодные ветра и жгучие морозы, в бескрайние озёрные и лесные просторы. Беззаботная пора закончилась: началась учёба в школе, было трудно, я часто болела. И всё равно детство – радостная пора, потому что были лыжи и коньки «снегурки», накрученные палочками на валенки, игры в лапту и в казаки – разбойники, занятия в фотостудии и танцевальном кружке, тренировки в секции спортивной гимнастики и много книг в школьной библиотеке. Мои выступления перед зрителями продолжались, в том числе участие в школьных конкурсах чтецов, где я занимала призовые места, а в награду получала хорошие книги.

Школьная пора – это время взросления и первых влюблённостей. Учителя боялись вызывать «прозрачную» девочку к доске. Однако это не помешало хулигану Кольке Уткину оказывать мне особые знаки внимания: он привязывал к спинке парты бантики с длинных кос. Когда приходилось вставать, чтобы ответить урок, казалось, что вместе с волосами оторвётся голова. Вот она, первая любовь!

Однажды произошло событие, повлиявшее на мою дальнейшую биографию. Дверь «5 А» класса широко распахнулась и странноватая учительница истории, обвешанная картами и репродукциями, стремительно ринулась к доске. Школьники засмеялись: вот будет весело. Но веселья не было. Учительница не села за учительский стол, не провела переключку новых учеников, не вглядывалась в нас пытливым взором. Нет, ничего этого не было. Она написала на доске «Вавилонское царство». И началось путешествие в волшебный мир истории, захватывающий рассказ о Междуречье и Вавилоне, о таинственных иероглифах и законах царя Хаммурапи, о всеячих садах царицы Семирамиды и военных походах Навуходоносора. наших непослушных мальчишек как подменили: они погрузились в таинство познания. Захватывало дух от египетских пирамид и грохота несущихся в атаку колесниц римских легионеров. В этот день я выбрала будущую профессию – учитель истории.

Но скоро школа закончилась, мама осталась в Карелии, а я вернулась в Москву, и началась бесконечная, длиною в жизнь, учёба в пединституте, в университете, в Плехановской Академии, стала педагогом, окончила три ВУЗа и защитила кандидатскую диссертацию. Больше сорока лет преподавала историю, философию, политологию, культурологию, экономические теории и др. Привычка –



делать каждое дело так, словно оно последнее, – побуждало ко всему относиться с большой ответственностью и требовательностью к себе и к людям. Напряжённая работа в учебных заведениях отнимала силы и время, требовала огромного физического и эмоционального напряжения. Обделённый вниманием муж всё чаще решал проблемы по-своему. Мы на время расстались.

И всё же удавалось находить время на музыкальный театр, музей изобразительных искусств имени Пушкина, мимо которого водила ребёнка в детский сад. Вечерами мы гуляли в таинственных залах музея, на нас смотрели средневековые рыцари, вельможи и знатные дамы, библейские герои и чудесные нимфы, мы погружались в мир художественных вымыслов и чудовищных химер. Чувствительного мальчика тревожили кроваво-красные краски и радовали божественной голубизны небеса. А потом он рисовал, много и увлечённо. Большим событием было посещение Кремлёвского Дворца съездов, возле которого на Кремлёвской набережной мы жили. Красочные балетные спектакли «Сотворение мира», «Икар» дарили вдохновение, развивали образное мышление. Музыкальные спектакли и выставки живописи стали неотъемлемой частью жизни нашей семьи.

Однажды произошло невероятное событие, которое сократило мою жизнь не на один год: спокойный и послушный пятилетний сын совершил самостоятельную поездку в метро. Мальчик не боялся оставаться один дома, но на этот раз всё

пошло иначе. Заметив, что обещанный матерью час прошёл и она не возвращается, он решил, что пора спасаться. Подтащил к двери стул, открыл замок и впервые в жизни самостоятельно вышел на улицу. Дошёл до метро и, дождавшись, когда «тётенька» – контролёр задремлет, проскочил мимо неё. Сел в вагон в нужном направлении, доехал до нужной станции, сделал длинный подземный переход, потом опять ехал, нашёл дорогу к отцу и попросил прохожих позвонить в дверь. Увидев сына, отец обрадовался – две недели не видел, а заодно поинтересовался: где мама? – Мама ушла в магазин. Ждали маму полчаса, ждали час, и тут заподозрили неладное. А что делала мама? Вернувшись домой, увидела открытую дверь... Обежала все этажи, обследовала окрестности, вернулась домой в состоянии, когда стучат зубы и тело дрожит в ознобе. Телефонный звонок вывел из ступора. – Ты никого не потеряла? – спрашивал муж. Обнаруженную пропажу привезли, затискали в объятиях и поцелуях. На вопрос: почему уехал к папе, ребёнок ответил: я подумал, что ты не придёшь... Перепуганный муж вернулся в семью. Но прожил он короткую жизнь.

Сын пошёл в школу. Учился прилежно. Всегда занятая работой и учёбой мама отправила ребёнка на продлёнку. Приходил вечером усталый, с глазами не по-детски грустными. Однажды, освободившись раньше обычного, я зашла в класс и увидела... В полутёмном помещении уставшая учительница проверяла горы школьных тетрадей, уставшие дети мучительно ожидали родителей, девочки мыли давно вымытую доску, а мальчики окаменело сидели за партами. Мой сын лежал на парте, к которой прирос за целый день, бледный, с измученным лицом он тоскливо смотрел в тёмноту зимнего вечера. Это был последний день его продлёнки.

Предоставленный сам себе ребёнок стал писать рассказы о природе и фотографировать. Впервые эти тетради я прочла перед его возвращением из армии, когда наводила порядок в письменном столе. Отредактировав и отпечатав очерки с фотографиями, отнесла в редакцию одного престижного журнала, а потом другого, третьего. Началась активная писательская работа, увлекшая нас обоих.

Уважение к литературе, к чистому русскому слову прививала мама – Валентина Васильевна – учитель русского языка и литературы. Она научила нас пользоваться художественным языком, наполнила сосуд души любовью к высокой литературе. Мы вслух читали Бунина, Гоголя, Чехова, Некрасова, Никитина, Фета. Мой сын рос в окружении литературных героев. Соревнование: кто больше знает наизусть, – побуждало постоянно находиться в магнетическом поле столпов поэзии Пушкина и Лермонтова. И потому душа рвалась за вдохновением туда, «куда не зарастёт народная тропа»: в Михайловское – Петровское – Тригорское, где беспечный баловень судьбы бушевал страстями на аллее Анны Керн и где рождался «гений чистой



*Мама
Валентина
Васильевна*

красоты». И конечно в Захарово на праздник русской словесности, в колыбель поэта. А потом на Чёрную речку, где зависть и козни казнили не только поэта, но и всю Россию. И обязательно в Пятигорск, к нему – «одинокому белому парусу», стоящему рядом со своим кумиром на самой вершине пьедестала русского Парнаса.

Считаю большой творческой удачей многолетнее сотрудничество с журналом «Природа и человек. XXI век» (гл. редактор Лебедева Елена Ивановна). Мы успешно печатались и в других журналах, альманахах, энциклопедиях, много публикаций в интернет изданиях. Участие в выставках московских художников, в конкурсах в области литературы, фотографии и декоративно-прикладного искусства расширяют горизонты творчества. За большую жизнь скопилось много дипломов и медалей за труд, литературное творчество и журналистику. Государственным комитетом лесной промышленности представлена к премии отрасли в номинации «Журналист года».

В книге «Мне ангел крылья подарил» представлена небольшая часть избранных работ. Поэтическая проза и фотографии выполнены в Карелии на берегах самого большого в Европе Ладожского озера, – уникального уголка русского севера. В книгу не вошёл цикл философских размышлений «как жить в несправедливом мире», как сохранить литературный русский язык, чему не учат современные школьные учебники, очерки об историческом беспамятстве, которое разрушает страну, почему школьники стали убивать, психология подростка, взаимоотношение толпы и личности. Тема: место человека в первозданном мире занимает особое место в творчестве. Очерки с фотографиями «Заповедник «Ладожские шхеры» вызывает о помощи» имели широкий отклик. Как и блокадная тема: о седьмой – ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича, воспоминания детей о блокад-

ном детском доме, о жертвенном подвиге матерей, медиков, воспитателей, о героических защитниках Ленинграда и др. Многое можно прочитать на военно-историческом форуме (ВИФ2).

Интересные встречи с талантливыми людьми насыщают энергией, вдохновляют. Олег Анофриев, Леонид Серебренников, Иннокентий Смоктуновский, Игорь Ильинский, Андрей Дементьев, Евгений Леонов, Владимир Высоцкий, Аристарх Ливанов оставили хорошие воспоминания о себе и памятные автографы с пожеланиями счастья. Но знакомство с Анастасией Ивановной Цветаевой уникально во всех смыслах. Мы встретились в её однокомнатной квартире: скромная обстановка, узкая железная кровать, большая библиотека, много икон и много гостей – известных поэтов, писателей. Здесь впервые я увидела А.Д. Дементьева, тогда гл. редактора «Юности», он читал свои новые стихи. Анастасия Ивановна поразила лёгкостью речи, огромной эрудицией и удивительной памятью: стихи Марины Цветаевой, других поэтов, отрывки из своих произведений читала наизусть. Худенькая женщина, вегетарианка, она ни на что не жаловалась, хотя ей было за девяносто, она показалась мне столпом духа. Как будто не было арестов, ссылок и лагерей 22 года в общей сложности, которые она отбывала за, якобы, участие в антисоветском заговоре. Жизнелюбивая Анастасия Ивановна торопилась жить и много писала. Она подарила мне роман «Amor» (любовь), опубликованный в четырёх номерах «Нового мира» с дарственной надписью: «Милой Наталье Евгеньевне Морсовой – мой роман, 50 лет молчавший... Автор Анастасия Цветаева на 97 году жизни. 4 декабря 1990 года, праздник Введения по храм Богородицы. С пожеланием найти разрешение всех вопросов – в религии. С благословением!»

Мне всегда везло на хороших людей, которые не оставляли наедине с бедой. Были и те, которые волей или неволей портили мою жизнь, но они прошли мимо и растворились в лабиринтах памяти. Однажды случилось непоправимое: провожая девушку в Подмоскowie, сын угодил на рельсы. Я стояла у отрытого окна, вслушиваясь в уличные звуки, до утра не было никаких известий. И вдруг телефонный звонок: дежурный милиционер сообщил о том, что молодого человека увезли в институт им. Склифосовского, он успел назвать номер телефона. Мне не пришлось обзванивать десятки больниц. Я вошла в институт с запасного входа и попала в отделение реанимации. Доктор сообщил, что мой сын скончался, надо подойти в морг за ключами и одним ботинком. Я сползала по стене прокуренного коридора и осела возле мусорного бачка. Врач нашёл меня и сообщил об ошибке: не на ту строчку посмотрел...

Рядом оказались люди, которые сумели устроить погибающего сына в институт им. Вишневского, благодаря чему он остался в живых. Перевозила его в пойманной за хорошие деньги машине «скорой

помощи». – Вряд ли выживет, – размышлял врач «скорой», – от «живого трупа» шёл запах гниющего тела. А потом появились равнодушные люди, которые нашли огромные деньги – миллионы, на протезы, он встал на новые ноги, работал и снова писал. На это невероятно трудное время пришлось значительная часть его творческого потенциала, он стал внештатным корреспондентом журналов «Охота и рыбалка. XXI век» и «Охотничий двор» (гл. редактор Малов Олег Львович).

И вот теперь всем бедам беда – гибель сына: во время шторма надувная лодка разбилась о камни, а он растворился в глубинах своей любимой Ладоги. Не выдержало сердце моей матери, её не стало. Теперь у меня на руках три свидетельства о смерти – мужа, сына и матери.

Трагические события изменили моё мироощущение. Безмерное горе заставило в очередной раз переосмыслить жизнь, в которой нет места пустоте, скудоумию, болтовня ни о чём навсегда потеряла смысл. Когда-то казавшиеся существенными мелочи жизни, которые раздражали или казались важными, в сравнении с тонкой нитью между жизнью и смертью потеряли свою значимость. Важным стало духовное родство и общность интересов.

Литературное творчество – это спасение от душевной боли. Захватывающий и трудоёмкий процесс, – он способен поглотить твоё время без остатка и вместе с тем развивает фантазию и воображение, расширяет знание литературного языка. И что примечательно: результат не зависит от условий, в которых создаётся произведение. Полёт вдохновения может настичь в вагоне метро, у костра на берегу лесного озера, лёжа в кровати, например, которую не покидал гений аналитического романа Марсель Пруст, или за умывальным столиком, на краешке которого творила мастер детектива Агата Кристи. Почему возникает желание писать? Чтобы донести видение мира через призму своего вдохновения, отыскать главное – место человека в мироздании, чтобы истинно ценное было услышано, понято.

Считаю для себя важным участие в различных конкурсах, к примеру «Страницы семейной славы». Международный конкурс о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне организовал учёный, профессор МГУ, а заодно мой вдохновитель и бескорыстный наставник Сухомлин Владимир Александрович. Потомок знаменитых предков – генералов, государственных деятелей, сын известного кинорежиссёра, – он сохраняет природное благородство, деликатность и щедро делится знаниями и опытом с коллегами и товарищами по перу. Владимир Александрович находит время руководить международным союзом славянских журналистов, клубом «Ветеран журналистики» в которых я с удовольствием участвую, и другими общественными делами, начатыми его сыном – журналистом, погибшим от рук наёмных

убийц. Свои работы посвящаю блокадникам Ленинграда. Эта тема мне близка: мои родственники пережили блокаду. Почему много лет участвую в конкурсе? Чтобы быть сопричастной с жизнью своей страны, рассказать потомкам о мало известных страницах истории. Быть в круге общения с Владимиром Александровичем – это протуберанцем отражать свет большой звезды.

Погружение в блокадную тему началось с увлекательных бесед и чтения многочисленных книг Тервонен Людмилы Ивановны. Блокадница, детский врач, поэт, журналист, общественный деятель из Карелии, награждённая многими медалями и знаками почёта, она оставила воспоминания о героях: взрослых и детях, переживших блокадное лихолетье, много сделала для сохранения исторической памяти и стала значимым для меня человеком. Это тот редкий случай, когда совпадение душ и общность интересов вдохновляют на творчество. Широкая эрудиция и большой жизненный опыт Людмилы Ивановны рожают мудрость, которой хочется насыщаться.

Увлечение литературным творчеством привело меня в студию «Свежий взгляд». Известный поэт Коротков Сергей Иванович собрал сплочённый коллектив единомышленников, вкладывая в нас свои профессиональные способности. Нынешний руководитель литературной студии Гулдава Пётр Георгиевич, член союза писателей России и Академии российской литературы, хороший друг, наставник, мастер поэтического слова. Человек широкой души, он не скупится на эмоции: умеет восхититься ярким образом или сочной метафорой. Он знаток глубоких переживаний и истинных чувств, и потому его поэзия искренна, философски осмысленна. Его произведения тяжеловесны, в них нет поверхностной никчемности и легковесной пустоты. Творчество большого мастера обогащает читателя глубокими эмоциями, и я этим безмерно пользуюсь.

Жизненное равновесие помогают сохранять пройденные сквозь века мудрые советы моих кумиров – античных софистов Марка Аврелия, Сократа, Платона, исповедующих взгляды гармонии человека и природы, о том, что не следует истязать душу муками о всеобщей несправедливости, а жить, пока дышится: «жизнь – это то, что мы о ней думаем», «умей довольствоваться малым», «счастлив тот, чья душа упорядочена», «умение управлять собой – главнейшее из искусств». Не скажу, что от чужой мудрости становишься счастливой, но жизненные ориентиры обозначены.

Теперь, когда «миг между прошлым и будущим» покатился к закату, обостряется острота восприятия положительных эмоций, когда каждый посыл доброты и понимания ценится дорого. Горестного в жизни было много. Почему оно долго хранится в памяти? Эмоциональные потрясения, глубокие переживания оставляет в лабиринтах души рубцы, которые иногда кровоточат. Говорят, что хорошей

школой жизни являются несчастья – закаляют волю. Да, это так. Но желательно, чтобы несчастий было не слишком много, иначе портится характер и гибнет талант. Счастье, пожалуй – лучший университет. Выросший в дружной семье ребёнок выходит в большую жизнь защищённым прочной бронёй любви.

Путешествуя в прошлое, задаёшься вопросом: счастливо ли прожита жизнь? С позиции: «счастье – это умение преодолевать несчастье» – да. Терниями повитая жизнь катилась по жнивью моей судьбы, и я собирала соломки, чтобы усыпать ими колючую стерню судьбы любимого сына; я искала «место под солнцем», и оно подарило мне скромный лучик, который освещает и согревает всю жизнь.

Я мысленно возвращаюсь к истокам своего пути. И это не сладость воспоминаний, как зачастую принято думать. Однако детские годы легли на мою память самой светлой страницей, как время волшебных снов и дуновений счастья, прикосновение к волшебству, которое потом закроется житейской суетой. Детство таинственным образом закладывает в нас всё: физические, эмоциональные, духовные основы жизни и ещё многое: жажду творчества, вдохновение, фантазию, образность мышления, эстетический вкус. И, конечно, умение любить каждый момент подаренной жизни, – второй раз уже не родишься.

Как-то в журнале «Юность» я прочитала: «Благословенна юность, когда за ней мудрость присматривает». А я добавлю: благословенно детство, когда за ним присматривает мудрость. В глубоких лабиринтах памяти всплывает картина крещенского вечера, когда мы возвращаемся с соседских посиделок: темно, страшно, дорогу не видать, и хруст замороженного наста эхом отдаётся в тишине уснувшего снега. Бабушка ведёт меня за руку и говорит: – не бойся, я с тобой, – чем не библейская история? – смотри, на небе какая благодать! И стало мне тогда светло и радостно. В обители небесной и в самом деле праздник света: там Млечный путь пролился белым молоком, он препоясал бездну крестным пояском, луна сочится звонким серебром, и гроздь жёлтых звёзд пылают Божеским огнём, и ангелы сверкают трепетным крылом. И будто нет у них других дел кроме, как смотреть на землю влюблёнными глазами.

– Что там, в вышине, за облаками? – спрашивала я. – Там царствие небесное, – говорила бабушка. – Кто живёт в этом царстве? – Боженька, все святые и ангелы небесные летают. – Мне тоже хочется летать. – Полетаешь, милая, полетаешь, ангел тебе подарит крылья, – пророчески вещала бабушка.

И я ждала. Однажды в прозрачной дымке облаков парил волшебный, милосердный ангел, он увидел маленькую девочку, мечтающую о чуде. Ангел коснулся меня натруженным крылом и подарил огонь вдохновения.

Наталья Евгеньевна Морсова, 2019 год

Судьба, распятая на камне

«**О** Мать – Природа! Если суждено мне погибнуть, прими меня в свои объятия. Пусть Солнце станет свидетелем моей кончины. Гранитные скалы – моим одром, а Полярная звезда свечой у изголовья. Озёрная вода омоет меня, ветер и сосны споют поминальную молитву, облака прощальными слезами прольются надо мной дождём. Пламя утренней зари станет очистительным огнём, и душа сольётся с небесами!» Таким было завещание Сергея Морсова. Он ушёл из жизни в 42 года.

Сергей родился и вырос в Москве. После окончания технического училища служил в армии на полигоне в казахских степях. Вернулся домой, работал, учился. Безоблачность молодости оборвалась в одночасье, – проводы девушки оказались роковыми – его толкнули на рельсы. Стал инвалидом с ампутацией ног.

Литературным творчеством и фотоделом Сергей занимался с детства. Вдохновение черпал в холодной скалистой Карелии, – краю непуганых птиц и синеглазых озёр. Любил отшельничать на заповедных островах Ладожского озера. Именно ей – Ладоге посвящены рассказы, очерки, эссе, фотографии, полные восхищения первозданным миром. Заядлый и удачливый рыбак, он с азартом состязался с осторожным лещом, коварным судаком и изворотливой щукой. Рыбацкие рассказы полны восторга, но леска не столько орудие лова, сколько нить, связующая человека и природу.

Став инвалидом, Сергей освоил плетение из ивовой лозы, из растительных материалов мастерил уникальные икэбаны. Много писал. Но душа рвалась на природу. Научился ходить на протезах и вновь устремился на просторы любимого Ладожского озера.

Интерес к писательскому труду привили мама Наталья Евгеньевна и бабушка Валентина Васильевна – учитель русского языка и литературы. Они помогли Сергею овладеть чистым русским словом, научили видеть красоту русской литературы.

Глубокое знание природы основано на собственном опыте. Его восхищение не созерцательно. Сергей ощущал себя полноценной частицей



Серёжа



Любимая ладога



заповедного мира, где есть не только удовольствия, но и опасности – ураганные ветры, жгучие морозы, грозные штормы, которые надо уметь преодолевать. Болотная трясина, громады голых скал, непролазные ельники и таинственные лесные озёра дали много удивительных встреч с их обитателями.

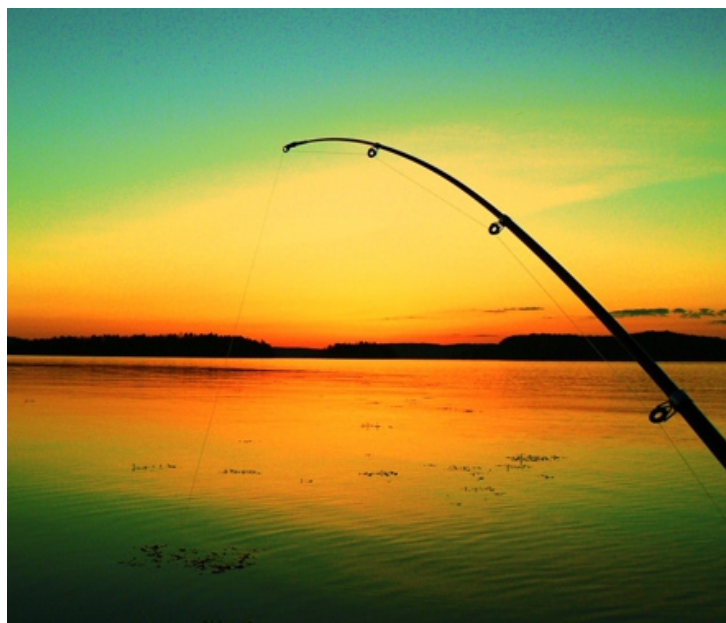
Сергей был членом международного союза славянских журналистов, внештатным корреспондентом журналов «Природа и человек. XXI», «Охота и рыбалка. XXI век», «Охотничий двор». Он активно печатался в журналах: «Домашний очаг», «Свирель», «Свирелька», «Друг», «Истина и жизнь», «Друза», «Лучина», в альманахе «Шарманка», газ. «Надежда», «Пять охот» и др. Его фотографии имеют международное признание.





Наблюдения за таёжным лесом, озером, рыбами, животными помогли не бояться природы, а существовать в ней: «В лодке – надувашке я отправляюсь в таёжную глубинку, чтобы насладиться яркой поступью весны, бурной красотой лета и богатством красок золотой осени. Устрою привал на берегу глухого озера, окружённого громадой скал, поросших могучими соснами и елями. Робинзонить на лесном озерке – огромное наслаждение. Наедине с природой забываешь проблемы, которые, порой, кажутся неразрешимыми. Здесь не хочется слушать радио: у природы своя музыка. Здесь всё иначе: первозданный мир принимает тебя в свои объятия, открывает сокровенные тайны.

Целебный воздух и звенящая тишина лечат. Здесь слепой становится зрячим, а глухой слышащим. Тут всё устроено мудро и гармонично, и нет лишних обитателей: насекомых, зверей и птиц, здесь каждый имеет право на существование. Все они живут по своим законам, и мы не можем нарушать задуманное равновесие. И наполняешься благодарностью к каждой божьей твари, которая залезает к тебе под куртку, кусает за нос, крадёт кусочки хлеба и выловленную рыбку... Я с наслаждением растягиваюсь у костра на душистом лапнике и слушаю голоса птиц, шум прибоя, шелест трав, поскрипывание сосен, говор берёзовых серёжек, журчание ручья, дыхание ветерка. И растворяюсь в приятной





Дорога к дому

неге, забывая обо всём, что тревожило когда – то... А на восходе ласковый ветерок обнимает меня материнскими руками: – проснись, радость моя! Заря занимается, новый день начинается! И жизнь продолжается. Каждый новый день начинается восходом и заканчивается закатом. Всё также взмывают ввысь быстрокрылые птицы, встаёт Солнце и восходит Луна. Неизменный и всё же непонятный ход жизни. И небо не такое, как вчера, и ветер дует иначе... Возвращаешься домой с ощущением благодати, умиротворения и уверенности в завтрашнем дне, будто наполняешься богатырской силушкой, питаешься водицей живой. Встречи с лосями, зайцами, лисами, бобрами, ондатрами, норками, утками, с быстрокрылыми соколами и ястребами вдохновляют, будоражат воображением и побуждают к творчеству. Возникает потребность запечатлеть увиденное: сфотографировать, зарисовать, описать словом подсмотренные наблюдения за жителями воды и леса, за рождением нового дня, бурными рассветами и тихими закатами, за ночной мглой, сидя у костра, за торжеством восходящего солнца. И я вновь отправляюсь в потаённые уголки тайги, на берега лесных речек и любимого озёра, чтобы послушать голос естества».

Сергей рисковал, но был уверен, что Ладога его любит, и с ним ничего не случится. Но озеро погубило его во время шторма: надувная лодка разбилась о камни. И он растворился где-то там, в глубинах любимого озера, как и завещал, став частью обожанной природы. Сергей считал природу духовной пищей, которая очищает душу человека от всякой

скверны: «Как хочется найти потаённую дверь в коридорах своей Души, распахнуть её, и пусть свежий ветер ворвётся в затхлые углы. Душа напитается свежестью раннего утра, умоется росой и засияет чистотой и непорочностью»...

Сергей был глубоко верующим человеком. Литературные произведения и фотоработы наполнены большой любовью к солнцу, земле, воде – к жизни. Он жил надеждой, что «новый день будет добрым и безмятежным, ... наполненным запахами леса, полей, воды. Жаркое солнце питает его драгоценным теплом ... Как хочется взлететь над землёй и плыть над лесами и горами, озёрами и островами и любить, любить эту Землю, великую и чистую», – таким было мироощущение Сергея Морсова.

Семья, коллеги, товарищи по перу, по союзу славянских журналистов помнят Сергея Валерьевича Морсова и скорбят о его кончине.



*Опубликовано в журнале
«Природа и человек.
XXI век» (май 2015 год)
и на портале ВИФ2
(военно-исторический
форум 2).*

Фото Сергея Морсова

*Посвящается моей матери и сестре.
Светлая память погибшим,
умершим от голода и тяжёлых ран
воинам и жителям блокадного Ленинграда,
взрослым и детям*

Детство, опалённое войной



К огромной радости молодых родителей ленинградцев Потёмкиных незадолго до войны у них родилась девочка Нелличка. Михаил работал на заводе, а Антонина (старшая сестра моей мамы) трудилась на тюлево-гардинной фабрике. Семья жила в достатке, имела большую комнату в коммунальной квартире. Но семейному счастью не суждено было быть долгим: грянула война. Отца мобилизовали на фронт, откуда он так и не вернулся живым, а мать продолжала работать на фабрике, только вместо изящной ткани теперь выпускали полотна для пошива военной формы и шинелей, да рабочий день стал бесконечным. Восьмого сентября 1941 года замкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда, началась девятистодневная блокада: непрерывные бомбёжки, не было света, тепла и воды, транспорт не работал, 125 граммов хлеба выдавали по карточкам. Антонина безмерно страдала, не имея возможности вырваться с работы домой. Так Нелличка попала в детский дом. Маму свою она не помнила и всякий раз путала с другими тётями.

Однажды после очередного налёта вражеской авиации здание фабрики было разрушено, начался пожар. Антонина получила тяжёлое ранение в голову. На мгновение она пришла в себя и увидев раскиданных по цеху убитых, раненых и обгорелых людей. Очнувшись в госпитале. Эту страшную бомбёжку Антонина Сергеевна не забывала всю

жизнь. Антонина Сергеевна рассказывала, как тёмными ночами иногда она возвращалась с работы домой пустынными, неосвещёнными улицами, спотыкаясь о замёрзшие трупы; навстречу попадались истощённые, словно призраки, прохожие. Вспоминала, как её, обессиленную от голода и тяжёлого ранения, нередко навещали мародёры, ведь люди тогда не запирали двери.

Промозглый холод в пустующем, давно нетопленном доме, в котором хозяйничали крысы, да мучительный голод парализовали волю людей. Возникло равнодушие к надвигающей смерти, люди настолько привыкли к бомбёжкам, к грохоту разрушающих зданий и мостов, к звону разбитого стекла, что перестали прятаться, да и сил спуститься в убежище не было. Трупы не закапывали, а перетаскивали в пустующие квартиры. Антонина Сергеевна испытала ужасы блокады и войны с первого до последнего дня.

Теперь свою маму Нелличка Потёмкина не увидит до конца войны. Осенью 1941 года началась эвакуация детей на Волгу, за Урал, в Сибирь. Единственный путь из блокадного Ленинграда на большую землю проходил через небольшой участок суши и воды Ладожского озера. Вражеская авиация днём и ночью бомбила буксиры, баржи и катера с красным крестом на борту, на которых вывозили детей и раненых. Зимой фашисты решетила лёд, по которому проходила «дорога

жизни», грузовики проваливались вместе с грузами и людьми. Тысячи ленинградцев погибли в ледяной купели. С таянием льда таяла и ненадёжная переправа – «дорога жизни».

Для Нелли эвакуация из осаждённого Ленинграда в город Котельнич Кировской области прошла благополучно. Однако и там кормить детишек было нечем, ели липкий хлеб, испечённый из лебеды и опилок, компот из моркови и ревеня, суп из крапивы, словом, питались всем, что было под ногами. От такой изнурительной «диеты» началась дизентерия и дистрофия, дети обессилели, почти не двигались. А впереди ещё была зима, и, как оказалось, не одна...

Но Нелличке повезло: она не потерялась в дороге и не умерла от голода. Ей удалось выжить благодаря родственникам, проживающим в маленьком городке Солигаличе Костромской области, что в ста км от древнего русского города Галича. Здесь жила мать Антонины Сергеевны – Анна Павловна с младшей дочерью Валентиной, которой в начале войны было 15 лет и которая, таким образом, Нелличке приходилась родной тёткой. Самым удивительным и даже чудесным образом, несмотря на суровость первого года войны, в октябре 1941 года в Солигалич дошло известие из блокадного Ленинграда о ранении Антонины и эвакуации Нелли с детским домом в город Котельнич.

Не имея ни малейшего представления о месте нахождения неизвестного Котельнича, не догадываясь о трудностях пути, Валентина, которая сроду не выбиралась из родных мест и поездов не видела, отправилась пешком искать свою племянницу. Девушка и не подозревала, какие тяжёлые испытания ей придётся преодолеть. В узелок сложила пайку чёрного хлеба и бельё. Мать, сама плохо понимающая опасность предстоящего пути, не остановила малолетнюю дочь. Дорога в сто км до железной дороги – областного центра Галича, оказалась куда сложнее, чем предполагалось изначально. Валюшка торопилась, нужно успеть до наступления осенних заморозков добежать до станции. Тряпичные из парусины туфли быстро пришли в негодность, на второй день оторвалась подошва. Привязав подошву верёвкой, она продолжала путь. Но и такая конструкция оказалась недолговечной: шла в чулках, которые вскоре превратились в лохмотья. Пришлось идти босиком. Однажды послышался стук телеги и хрип усталой лошади. Расспросив что да как, мужичок пригласил девушку в повозку, но не с целью подбросить пару км, а совсем с другими намерениями. Валентина смекнула, в чём тут дело, быстро прыгнула и бросилась наутёк. А узелок остался в телеге.

Валентина вспоминала, с какой оторопью преодолевала дорогу сквозь беспросветный и длинный, как труба, еловый «акуловский» лес, где смело себя чувствовали только волки и медведи. Так прошла неделя пути. Ей приходилось отдыхать под кустами или в канавах, укрываясь от холода

ветками. И только в одной деревушке после долгих расспросов девушке предложили кусок хлеба да колодезной воды и уложили спать на сене.

Валюшка добралась до Галича и разыскала ж.д. вокзал. Ей казалось, что все мытарства скоро закончатся, но они только начались. Товарняки, составы с зачехлённой техникой и солдатами на большой скорости неслись на запад к линии фронта. Попасть в проходящий поезд не было никакой возможности. Несколько дней девушка выбегала на перрон, заслышав стук колёс. И всё же ей повезло: удалось протиснуться в вагон на минуту остановившегося поезда. Сколько времени прошло, Валентина не помнит, измученная она сидела в полузабытье на верхней полке вагона, порой теряя сознание от голода, усталости и боли в ногах. Зато хорошо помнит, что «в Котельнич поезд прибыл рано утром. Сочная заря освещала узкие, позолоченные пожелтевшей листвой улицы небольшого уютного городка. Здесь царил такой покой и умиротворение, что казалось, – никакой войны нет. Студёная осенняя прохлада пощипывала щёки, жгучая роса обжигала вспузырившиеся от кровавых мозолей распухшие ноги». Но девушку это не смущало, она бежала на встречу к незнакомой племяннице, которой тогда шёл третий годок. Детский дом с эвакуированными детьми отыскался быстро. Валентину провели в большую комнату, где тесно лежали истощённые, обессиленные ребяташки разных возрастов с высохшими, состарившимися лицами и не по-детски печальными глазами. Разбудили крошечную девчужку с глазками, словно вишенки, одетую в красного цвета платьице в белый горошек, и та побежала навстречу незнакомой тёте: мама! С тех пор Нелличка не слезала с рук вновь обрётённой «мамы». В детском доме не придали значения тому, что девочку забирает несовершеннолетняя, невесть откуда явившаяся босоногая девчонка, да ещё без документов. Возможно, воспитатели понимали, что это был единственный шанс спасти умирающего ребёнка. Их не покормили, не дали ни документов, ни платьица и туфелек, ни хлеба. Только сказали: «У нас ничего нет, дать просто нечего».

Обратный путь был сродни кругам ада. Трое суток металась на ж.д. вокзале Котельнича Валентина с маленьким ребёнком на руках, пытаясь попасть на любой проходящий поезд. Спали на полу. Валя неподвижно лежала на холодном цементе в обнимку с безмолвной малышкой, согревая её теплом своего тела. Это продолжалось бы неизвестно сколько, если на них не обратил бы внимания начальник вокзала. Нелличка не плакала, она положила головку на плечо и тихо умирала. Сцепленные на шее «мамы» ручки не размыкались. Услышав историю спасения блокадного ребёнка, седовласый и невероятно уставший начальник в строгой форменной одежде обещал помочь. С большим трудом он втолкнул девушку в едва притормозивший поезд, битком набитый военны-

ми. Мужчины, одетые в солдатские шинели, поддерживали по сути двоих детей: поили водой, давали кусочки хлеба, сахара и печенья из своего сухого пайка, уступили место, где удалось немного подремать. В Галич поезд прибыл поздно ночью. Было уже холодно, наступил конец октября сорок первого, начались затяжные дожди. Дороги размыло, и разбитые ноги вязли в липкой глине. Каждый шаг приносил нестерпимую боль. Но теперь это уже ничего не значило. Ведь стокилометровый путь до Солигалича вёл к родному дому. Истощённый ребёнок, словно догорающий свечной огарочек, безжизненно висел на спине. Отдыхали на обочине раскисшей дороги. На пустующем горизонте – никого, жизнь как-будто замерла: ни машин, ни лошадей, ни людей, – кто на фронте, кто в эвакуации, а кто попрятался в домах. Полторы недели пути пролетели как бы без памяти. Когда Валентину спрашивали, как ей удалось выжить, она отвечала, – «не помню, я только шла и шла». Стресс настолько мобилизовал организм, что девушка не заболела, даже не простудилась, только долго лечила распухшие от водянистых мозолей и гнойников ноги, которые никак не влезали в туфли. Вскоре Валя Большакова приступила к занятиям в педучилище, куда она поступила в сорок первом.

Нелличку с трудом оторвали от «мамы» и уложили спать. Малышка не разговаривала, не плакала и не подавала признаков жизни. Отпаивали ребёнка козьим молоком, кормили болтушкой из картошки и хлебом, который отрывали от двух мизерных пайков для иждивенцев. Вскоре удалось получить хлебную карточку и на ребёнка.

Мать Нелли – Антонина Сергеевна продолжила работать в полуразрушенной фабрике. После войны она получила правительственные награды, главная из них медаль «За оборону Ленинграда». Ей очень хотелось найти свою дочь, но данных нигде не было, а архивы неизвестно куда вывезены. А тут пришла похоронка на мужа, который после длительного лечения в госпитале скончался от тяжёлых ран. После снятия 900 – дневной блокады 27 января 1944 года в Ленинград стали поступать письма, получила радостное известие и Антонина Сергеевна о том, что Нелличка жива и находится у своей бабушки Анны Павловны. Антонина Сергеевна привезла дочь в Ленинград. В разрушенный город без тепла и света возвращались жители города. Постепенно открывались больницы и госпитали, школы, театры и концертные залы, пошли трамваи. Жизнь изменилась к лучшему, но по-прежнему оставалась изнуряюще голодной: пожалуй, только выросли хлебные пайки, да к ним прибавились крупы. Мать Неллички нередко увозили в больницу. Девочку вновь ждал детский дом.

Вот оно, обождённое войной детство: недолюбленный ребёнок, выросший без кукол и игрушек, без конфет и подарков. Дети блокадного Ленинграда, искалеченные душой и телом, умеют любить и радоваться каждому дню, ценить и беречь жизнь.

Стойкие духом, они нашли в себе силы учиться, работать, восстанавливать любимый город, творить и созидать. Обыкновенные люди – мужчины, женщины, дети блокадного Ленинграда и его защитники вошли в бессмертие, потому что сопротивлялись смерти, вопреки обстоятельствам и условиям, которых до сих пор не знала история.

Длительное голодание в раннем возрасте приводит к тяжёлым заболеваниям. Нелли Михайловна не исключение. Но на болезни она не жалуется, терпеливо переносит выпавшие на её долю испытания и достойно несёт свой крест. И пусть долгие годы её будет сопровождать счастье, – она его выстрадала!

Война, опалённая огнём побед и пеплом поражений, коснулась и Валюшку, тяжёлым бременем прокатилась по судьбе жизнерадостной девушки, она училась, голодала вместе с матерью и племянницей и ещё двумя девушками – блокадницами, которых привезли на излечение в сорок первом. В 1944 году Валентина закончила педучилище и получила направление на работу. Через всю страну по комсомольской путёвке ехала учить ребятишек в разрушенное войной село. Ушёл на фронт и погиб её названный жених Вовка Анфиногенов. С детства ребятня дразнила их «женихом и невестой». Четыре месяца «учебки», и новоиспечённые лейтенанты шли командовать ротами. Валентина Васильевна вспоминает, что последнюю весточку получила осенью 1944 года – «завтра идём в бой!» Бой для юных младших командиров был первым и последним. Безусые лейтенанты и рядовые этого призыва из городка Солигалича погибли все до одного, не вернулся никто. Когда одна за другой стали приходиться похоронки на недавних новобранцев, город стонал от воя и плача. Война искалечила многие судьбы. Потом у Валентины Васильевны будет замужество и рождение детей, но жизнь её пойдёт совсем другим путём.



*Написано со слов моей матери,
Валентины Васильевны.
Это та самая мужественная девушка Валюшка,
которая так и не поняла,
что совершила героический поступок
в свои неполные шестнадцать лет*

Авторы
Наталья Морсова,
Сергей Морсов

Наедине с первозданной природой

Вышел месяц из тумана

*«Туман пуховым одеялом
прилёг на стынущие скалы»
Людмила Тервонен*

Седая изморось тумана легла на остывающую землю. Ночное небо освободилось от плена сизых облаков. Тёмную ночь озарил юный Месяц. Изогнувшись изящным станом, он завис над землёй, серебряным ковшом отражаясь в морской пучине. Остроконечным серпом юнец зацепился за макушки елей, осыпав бриллиантами колючие шевелюры. Единственное светило на всём обозримом небосклоне, – он явно любовался собой. Стройного юношу заметила блистательная Вега. Из безбрежного далёка очарованная странница отправила ему стремительный поток холодного света, надеясь на взаимность. Не дождавшись пылких чувств, красавица в последний раз бросила пленительный взор вслед уходящему озорнику и с грустью погрузилась в сон веков. А шалунишка, лукаво подмигнув прелестнице, сверкнул во мгле ночной над миром безмятежным и весело покатил в дозор: недремлющим оком обозревать бескрайние владения. Он брызнул луч хрустальный в уставшие долины, нескошенные хлебные поля, уснувшие дома и в колыбель малютки.

Откуда ни возьмись, явилась Туча – косматая предвестница грозы. Почерневшая от злости, она окутала ослепительного молодца непроницаемой бронёй, – ей захотелось спрятать ночной светиль-

ник от посторонних глаз. Спелёнутый мрачными путами, Месяц погрузился в непроглядную темень. Тревожная ночь обволокла бездонное поднебесье, померкли трепетные звёзды, безбрежная грусть тяжёлым бременем легла на опечаленную землю, зябко поёжилась дремучая тайга, онемела морская волна, умолк в ракетах звонкий соловей.

Но баталия между светом и тьмой была недолгой. Мимо пролетал своевольный ветерок. Лёгким дуновением шалунишка смахнул чёрную вуаль печали, разорвал в клочья плотную завесу облаков и обнажил великолепный стан юнца. Скользя из плена тьмы, тот вспыхнул чарующим сиянием, безвозвратно уходящим в вечность. И небо умилилось, и земля восхитилась. Ожила волна морская, обсыпанная жемчугами света, зашептались молодые сосенки, зажурчал лесной ручей, проснулись озябшие леса, встрепенулись снежные вершины, зыбкими песками всколыхнулась сонная пустыня, на каждой травинке, словно слеза, задрожала ночная роса. Пронзительным светом озарились звёзды, давая надежду на ясный день.

Посланница небесной тьмы ещё долго металась по небосводу. Цепкими щупальцами она рвала лучи блистательного света, но озорник боднул рожком и сбросил бремя тягостного плена. Раздосадованная владычица мрака, сотрясая чахлыми лохмотьями чёрной зависти, удалилась в обитель бесконечной бездны. А молодой укротитель тьмы величаво поплыл оберегать земной покой. И каждую ночь юный Месяц набирался силёнок, являясь миру возмужавшим молодцем, пока однажды не превратился в полноликую Луну. Мистическая жрица

ночи полновластно воцарилась на небосводе, колдовскими чарами таинственного света пленя очарованную Землю.

Святая благодать смирения и покоя восторжествовала над миром. Лунное сияние подарило ночь волшебных грёз. И люди доверили владычице ночного неба свои потаённые, спрятанные в складках души, желания и мечты. И та их унесла в обитель поднебесных храмов. Тихая улыбка Луны сбросила оковы тоски и одиночества, страдания и смятения духа, напитала растревоженные души восторгом и сладостным блаженством, согрела надеждой и любовью сердца людские. Ничто не вечно под Луной. Всё изменчиво в нашем мире. И лишь неспешный бег Луны извечно повторяет свой бесконечный млечный путь в потоке Вселенского движения.

Поэты, художники в лунном сиянии ищут вдохновение. Восхищается луной русский живописец – маринист А.К. Айвазовский. Но картина «Лунная ночь на Днепре» Архипа Ивановича Куинджи стала настоящим потрясением. Прямо из мастерской в 1880 году живописное полотно было куплено великим князем Константином Константиновичем за огромные деньги.

А потом картину выставили в Петербурге. Успех превзошёл все ожидания. Люди часами стояли в очереди, чтобы увидеть необыкновенное чудо. «Лунная ночь на Днепре» висела на стене одна. Окна в зале задрапировали, полотно освещалось единственным направленным лучом электрического света. Зрителей завораживал серебристо-зеленоватый диск луны, который залил фосфорическим светом землю, могучий Днепр, лесные тропинки и украинские хаты. Лунный свет был так силен, что зрители заглядывали за картину, чтобы найти там фонарь или лампу. Но лампы не было. Величественное зрелище погружало зрителей в раздумья о вечности, о бескрайней и бесконечной красоте мира. Люди, по словам И.Е. Репина, стояли в молитвенной тишине и уходили из зала со слезами на глазах, наслаждаясь райским блаженством.

Великий князь Константин Константинович, отправляясь в кругосветное путешествие, не захотел расстаться с полюбившейся картиной. И.С. Тургенев, находившийся в это время в Париже, посетил великого князя, чтобы уговорить его оставить картину в Париже, но не удалось.

Влажный, пропитанный солью морской воздух и в самом деле сделал своё пагубное дело: изменился состав красок, пейзаж потемнел. Но луна по-прежнему сияет волшебным светом, погружая нас в мир возвышенного, вечного и бесконечного.



Вороне где-то бог...

*На что способна
материнская любовь?*

«Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...», – говорит дедушка Крылов. Однако моей знакомой вороне, которая поселилась под балконом, не подавали ни сыра, ни хлеба. Она сама добывала пропитание. На её долю выпали непредвиденные испытания.

Каждую весну под моим балконом в кроне густых ветвей раскидистого тополя, покрытого молодыми липкими листочками, пара серых ворон усердно вьёт гнездо. За многие годы двор густо порос кустарниками и деревьями, когда-то с любовью посаженными первыми жильцами новостройки, и теперь превратился в тенистый сквер, мягко ускользающий в небольшой прудик. Пруд этот, заполненный подземными водами, талым снегом и дождевой водой образовался естественным образом. Берега водоёма со временем поросли осокой, рогозом, ивняком и молодыми берёзками. Ребятишки здесь ловят карасей, по вечерам собирается молодёжь, а весь световой день бабушки «выгуливают» любимых внучат. Сюда и прилетают вороны полакомиться деликатесами.

Я осторожно выбираюсь на «смотровую площадку» и наблюдаю за секретами птичьей жизни. Мне открылся удивительный мир серых ворон, до которых раньше не было дела. Недели через две в надёжно сплетённом из веток и склеенном глиной «уютном домике» самочка отложила пять зеленовато-синеватых яиц с бурыми пятнами. В любую погоду ворона терпеливо разогревала яйца, охраняя родное гнездо. Первое время беспокойный супруг поддерживал подругу и усердно выполнял отцовскую обязанность: подкармливал супругу насекомыми, мышами, кротами, слизнями, майскими жуками, личинками бабочек, стрекоз и яйцами других птиц. Идиллия ещё какое-то время продолжалась, однако визиты кормильца становились всё реже, «пылкие чувства» супруга скоро угасли, и наступил день, когда он исчез вовсе. Как поведёт себя мать-ворониха? Не погибнут ли малыши? После долгих ожиданий «суженого» ворона смирилась со своим одиночеством. Она усердно трудилась, продолжая главное дело жизни – сохранить потомство. Самочка не покидала гнездо, боялась оставить яйца без тепла и надзора, ведь «слопать» вкусный деликатес могут голуби, вороны, в том числе и родной папаша. Прошло несколько дней, нервозности и беспокойства молодая мамаша не проявляла. Может быть, была готова к такому развитию событий? Возможно, у птиц «предательство» случается чаще, чем у людей?

И всё же голод взял своё: тёмными вечерами ворониха отлучалась и, наскоро подкормившись, аккуратно усаживалась на яйца. Какая самоотвер-

женная мамаша, с какой уверенностью и знанием дела она выхаживала потомство!

В середине мая, как это часто случается, наступило похолодание. Порывистые ветры свирепо трепали деревья и безжалостно тормозили гнездо. Тополь здорово поломало, но «семейный очаг» выдержал. А тут посыпал мокрый снег с дождём, а ночью ударил морозец. А что же ворона? Обсыпанная шапкой снега, она неподвижно сидела в гнезде и усердно согревала яйца своим телом, переворачивала их и по очереди подсовывала в середину. Материнского тепла хватило на всё потомство.

Наступили тёплые деньки. И вот оно счастливое событие: на свет появился первый слепой птенец, а за ним проклюнулось всё долгожданное семейство. Под моим балконом стоял нескончаемый писк. На пятый день птенцы прозрели и запищали ещё пронзительнее.

Теперь мамаше работы прибавилось, от рассвета до поздней ночи она неустанно трудилась и кормила малышкой личинками короедов и комаров, гусеницами бабочек и стрекоз. При таком обильном довольствии «малышня» росла, «не по дням, а по часам».

Но однажды случилась беда: ворона вернулась с подбитым крылом и сломанной лапкой. Это могла быть воронья свара, драка за лакомый кусок. Летать за кормом раненой вороне стало трудно. Благо, что малышки к тому времени проявляли самостоятельность: прыгали по веткам и добывали мошек. Через пару недель слётки оперились и встали на крыло, они всё чаще покидали гнездо и всё реже навещали «родительский дом». Прошёл месяц, и наступил день, когда птенцы не вернулись вовсе. А ворониха всё носила и носила в гнездо вкусное пропитание. Материнский инстинкт остывал, гнездо опустело, но держалось ещё довольно долго, пока с наступлением ливневых дождей и порывистых ветров не развалилось за ненадобностью. Теперь птенцы перешли на собственный рацион питания. Следуя природному инстинкту, слётки собирались в

стайки, играли, дрались, учились летать, охотиться, самостоятельно выживать и готовятся к отлёту. Правда, улетать теперь не обязательно: крупные города в достатке обеспечивают птиц пропитанием, да и зимы не такие суровые.

Боюсь поверить в разумность птиц, но сообразительность они проявляют удивительную. Мой интерес к воронам усилился. Теперь я разговариваю с чёрными птицами: остановлюсь и рассказываю что-нибудь интересенькое. Она внимательно слушает, смотрит одним глазом и не улетает. Вот навстречу мне по тропинке важно шагает хорошо упитанная ворона. Умерить шаг или уступить дорогу вовсе не собирается. Приходится уступить мне. Она гордо шагает мимо и клюёт крошки. Но стоило достать фотоаппарат, как птица мгновенно вспорхнула. Недовольная, она уселась на берёзу и сердито меня «обкаркала». В это время на аллею вышла бабушка с внучонком. Ворона «без зазрения совести» стала «хулиганить», испачкав женщине одежду. На подмогу прилетели «товарки». Они виртуозно проделали фигуры высшего пилотажа, потом уселись на ветки и дружно испачкали всю гуляющую публику. И чем громче ругалась бабушка, тем пронзительнее галдели вороны и тем большее удовольствие они получали. Одна из них вошла в такой кураж, что, чуть было, не свалилась с ветки. Но стоило мне прекратить фотоохоту, как вся кампания разлетелась по своим делам, а ворона вернулась за крошками. Вот проказница!

Под моим балконом теперь тишина. Освободившись от бремени воспитания птенцов, ворона одиноко бродит по уютному скверику, чиркая по земле сломанным крылом. Теперь ей самой нужно набраться силёнок. Прихрамывая, она ковыляет за лакомым кусочком, но чаще запаздывает к «столу яств»: подранку достаются лишь крохи. Раненая птица, не замечая увечья, всегда при деле.

Не простая выпала доля моей знакомой вороне, но только бы это. Появилась ещё одна, необычная для птиц проблема: хлопот добавил неотступно

следующий за ней взрослеющий птенец. Налетавшись и наигравшись в стае своих сверстников, воронёнок неизменно возвращается в родной двор и безошибочно находит свою подраненную мамашу. А она и в самом деле всегда на месте. Вернуться в стаю, участвовать в коллективной охоте, в перелётах на лучшие «хлеба» птица не сможет, кажется, она обречена на одиночество. Настойчивыми криками и грозными наскоками на мать птенец требует причитающуюся ему дань. К концу лета назойливый «сынок» так хорошо подрос, что размерами едва отличался от мамыши. Сверстники давно отбились «от



материнских рук», а ворониха продолжает самоотверженно нести родительскую вахту и бесстрашно бросается под ноги ребятишек и гуляющей публики. Нередко она спускается на берег пруда, который каждую весну от таяния снега и обильных дождей широко разливается. Ворона ходит на рыбалку! При всей её теперешней неповоротливости, лакомый малёк частенько оказывается в клюве. Цепляясь раненым крылом за траву, она торопится поднести «отпрыску» вкусную рыбку.

Так прошло лето, наступила пышная осень. Деревья усыпали землю пурпуром золочёного покрывала. Бабочки, стрекозы, комары отложили личинки и спрятали своих наследников в водоёмы, жуки зарыли потомство глубоко в землю, под кору деревьев, червяки ушли «на зимние квартиры» до нового тепла. Выпал первый снег, и ледяная корочка опоясала землю до будущей весны. Добывать пропитание зимующим птицам стало сложно.

Воронью историю я стала забывать. Сквер под моим окном хорошо проглядывается сквозь обнажённые деревья, и вдруг обнаруживаю: хорошо упитанный «сыночек» всё также неотступно следует за мамашей и всё также нахально требует дань. А ворониха по-прежнему послушно выполняет его капризы.

Ленивый «отпрыск» пользовался услугами матери до самой зимы. А вдруг это осознанное проявление материнского долга? – хотелось подумать мне. С наступлением устойчивых заморозков первогодки влились в стаю взрослых птиц и отправились «на вольные хлеба», приняв в свою компанию и «маменькиного сыночка».

А ворона и по сей день одиноко бродит по тропинкам сквера, надломленным крылом рисуя след на рыхлом снеговале.

Вечер у костра

Летний вечер тихо таял и переливался в ночь. Пахло горечью полыни и терпким ароматом лебеды. На душистые травы улеглись росы. Намавшись за день, мы молча сидели у костра, задумчиво вглядываясь в сполохи прогоревших дров, будто пытались увидеть что-то очень важное для себя в магических языках пламени. Каждый думал о своём. Огонь судорожно трепетал, сучья корёжились и шипели. Лопнула головёшка, и из трещинки взвилась кудрявая струйка горячего пара. Жар оседал и слабел. Над костром повис паук, обжётся и торопливо взмыл на ветку, расставляя сети для зазевавшихся мошек.

Костёр угасал, вокруг становилось темно, в замирении смолкли сверчки. Поворошили уголья, и к остывающему костру вернулись искорки жизни. Огонь взметнулся, оживлённо затрепетал и радостно заиграл красными всполохами, но обессиленный выдохся и осел. Шелест костра затих. Поблекшее небо потеряло краски. Поднебесье разверзлось глубиной и непостижимой бесконечностью.

Сквозь тусклое небо пробивалась размытая луна, она зависла над всклокоченными холмами и заиграла холодным глянецом с онемевшими лесами, высветив макушки застывших деревьев и блёклый сумрак сонных скал. Всё стихло и замерло. Говорить не хотелось, наступило время, когда слова умирают. И только ошеломляющий гимн торжествующей ночи звучал в безмолвной тишине.



«Велесова книга».

Тайна сокрытых веков

Понять тайны «Велесовой книги» – книги мудрости дохристианской Руси, побудили нас отправиться в глубинку земли русской, где живут потомки древних народов чудь, меря и берендеев, когда-то переселившихся на северо-восток Руси и ассимилировавшихся друг с другом и с древними славянами. В этих краях зародился род предков наших далёких.

«Чудь начудила, да меря намеряла гатей, дорог да столбов верстовых...» – эти строки из стихотворения Александра Блока отражают давние времена из жизни племён чудь и меря финно-угорского происхождения, обитавших на территориях современных Московской, Ярославской, Ивановской, Тверской, Владимирской, Костромской областях России. То есть, в самом центре нашей страны. С десятков известных городов существовало во времена народа меря – Суздаль (исконное мерянского название Суждал), Владимир на Клязьме, Москва (якобы, от мерянского «моска» – конопля, Клещин (позднее Переслав-Залесский), Углич, Ростов, Галич, Плёс и др.





Берендеи не относят к финно-угорским народам. Это утраченное прозвище русославян. Народ этот один из родоначальников русского народа. Существует версия, что во Владимиро-Суздальские земли берендеев переселили Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский. А было ли на самом деле Берендеево царство? Или фантазия человеческая навевала сказание о загадочном царстве? Берендеи – это реально существовавший народ. Правил у них князь Берендей. При мудром правителе был лад в делах и в человеческих отношениях, любовь и гармония процветали. Вот и прозвали люди сии края Берендеевым царством. К примеру, в Костромской, в Ярославской областях многое называется Берендеево: холм посреди болота, где нашли древнее городище, роща, деревни и посёлки, речки и озёрки. Может быть, неспроста великий князь Ярослав Мудрый и его сын Александр Невский избрали своей семейной вотчиной хорошо защищённые самой природой Переслав – Залесские земли? Со временем многочисленные народы древней Руси потеряли свою самобытность, сплелись воедино и стали зваться русичами, но оставили глубокий след в народном фольклоре.

Сильные и ловкие воины чудь, меря, берендеи служили в войсках князя Олега, когда он ходил в походы на Смоленск, Киев и Любеч, о чём сохранились записи в «Повести временных лет». Стояли они на службе у Юрия Долгорукого, о чём говорит Лаврентьевская летопись 1155 года: «Берендеи – язычники верно служили всем владимиросуздальским князьям. Так, Юрию Долгорукому говорили: «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном, и головы свои складываем за твою честь!»

«Велесова книга» (доца 8/2):

УЦКМНАФЕММАТЕРЕМСЛВЯЯКУВЕНАЭУФЦЕ
 ДУВУЭЛВУДЯЦЕСТЕЭПРЛВБТАКХИДЕХУМСТ
 КЛВУДЕХУМСТЕНЕАХЛВУЖРЛВЦЕНІЖСЛВУ
 НЕРУССЕЯКУВБУЭМСЛВУСПВВШУТТТКУС
 УТЬСЛВУНУТТ

«Отцам нашим и матерям слава, которые учили нас о Богах и водили стезею правую. Так идите и не будете на хлебниками, но славными Русами, которые Богам Славу воспевают, и так они Славяне оттого» (Перевод Н. Слатина)

Родились эти правила на земле русской задолго до появления самой книги, как способ выживания древнего человека в окружающем мире. Наличие «Велесовой книги», «Ярилиной книги» на Готском камне, расписных досок, знаков на пергаменте, написанных в середине первого века, говорит о том, что письменность у славян (глаголица) существовала задолго до Кирилло-Мефодиевской азбуки, праздник которой принято теперь отмечать. Кириллица принесена на Русь значительно позже в 863 году и получила распространение в период принятия христианства в 988 год.

«Велесова книга» собрала знания о занятиях, обычаях, обрядах и языческих верованиях древних народов Руси. Переплелись в ней реальные знания и мифы. От поколения к поколению наследуются предания про божка Велеса, про обитателей берендеевых лесов – лешего и его многочисленную свиту – кикимор, русалий и берегинь. Всё эти существа попали в русские былины, например, «Садко», в народные сказки. Древние славяне в дохристианскую эпоху и впрямь верили в языческие божества – хранителей леса и воды, от которых зависела жизнь человека. Кто же старший лесничий в Берендеевом лесу? Кто хранитель заветных тайн? Что об этом повествует «Велесова книга»?

У древних русичей сложились тотемы языческих богов. Согласно «Велесовой книге», вся Вселенная, сотворённая Верховным богом Родом, делилась на три мира. В верхнем правили главные боги: Перун, Велес и Сварог. Там же обитель Солнца, Луны и всех небесных светил. Средний мир создан для людей. А в нижнем мире духов обитали домовые, гуменники, сенники, лешие, берегини, ящеры, змеи, русалии, дивы, даже болотная людоедка «лихо одноглазое». Сварог описывался славянами как могучий кузнец, создатель земли и огня. Это он научил людей сажать и собирать урожай, сквашивать молоко, вести хозяйство, установил порядок: одной жене – один муж, а одному мужу – одна жена, разделил людей на семьи. Сварог оберегает людей в браке, даёт им тепло и достаток, защищает воинов и возвращает их с поля боя живыми. Считалось, что лесное царство, а так же домашние животные, подчиняются мудрому богу Велесу. Он же покровитель торговли. Его идола изображались с двумя рогами на голове, с книгой мудрости в одной руке и плоской изобилия с молоком в другой. Деревянные идола Велеса

ставились возле дорог и лесных ключей, на живописных лесных опушках. В присутствии идола скреплялись договоры между людьми. Он же оберегал стада коров от волков, подчинённых богу войны Перуну. Верховный бог Род создал людей и вселенскую корову Земун, вспоившую своим молоком новорожденное человечество. Зачастую Велес изображался медведем, карабкающимся вверх по высокому дубу, вечно зелёному

дреvu жизни, соединяющим небо и землю. Именно поэтому медведь украсил гербы многих русских городов. С тех самых дохристианских времён дошёл до наших дней символ могущества России – медведь.

Чтобы задобрить духов, люди оставляли на видном месте в лесу или на берегу озера горсть зерна, кусочек хлеба, тряпичный лоскуток. Приходилось считаться не только с хозяином – лешим, но и его супругой, детьми и свитой русалок и кикимор. От хозяйки леса зависела удача на промысле, её почитали охотники. Им свершались поклоны и творились заговоры – камлания.

Охота и рыбалка были главными занятиями древнего человека, от их исхода зависела жизнь всей общины. Бывалые охотники и по сей день придерживаются правил своих предков: «Дикие звери и птицы не любят нечистоты. Не мусорите, не шумите, не говорите запретных слов, не думайте о женщинах и пьянстве». (Из «Велесовой книги»). Мы и сейчас употребляем в речи старинные поговорки: «Ни пуха, ни пера» или «ни хвоста, ни чешуи». Что за метаморфоза? Так сородичи громко кричали вслед уходящим промысловикам, чтобы притупить бдительность духов животных, а сами тайне надеялись на знатную добычу.

Согласно Велесовым правилам, лес и вода любят слушать неторопливую речь, добрые байки, негромкие распевы, а особенно расположены к улыбочивому, доброму человеку. Русичи брали на дело сказителя, рунопевца Бояна, знающего много былин и сказок.

Свои ритуалы и обычаи сложились и у рыбаков. Например, на лов рыбы не принято брать собак и женщин. Но раз в году перед путиной после расплавления льда совершался ритуальный обряд: красивую девушку возили по живописному озеру в расписной ладье как символический дар водяному. Теперь задобренный водяной не будет препятствовать рыбакам. Обиталищами водных духов считались озёрные камни и омуты, где топили жертвенных кур. Озёра и реки старались беречь, иначе водяной расторгнет договор.

Самобытный народ и скрытые глухими лесами земли будили воображение творческих людей, привлекали их в мало изведанные края. Так, молодой поэт А.Н. Островский посетил Переславль и Костромскую землю и описал сей край: «Меря-земля, обильная горами и водами, и народ рослый, и красивый, умный и откровенный, обязательный и вольный ум, и душа нараспашку. Тип русской красоты, солидной, которая меряется саженью и особенным каким-то широким вкусом». А о женщинах поэт отзывается восхитительно: «Красавицы в русском вкусе, учтивость русская, обворожительная, с улыбкой; без заграничного лоску, а так в душу лезет. Что за типы, что за красавицы женщины!». Это и побудило поэта написать волшебную сказку «Снегурочка». Этнографическую сторону он почерпнул у знаменитого А.Н. Афанасьева,



*Готский рунный камень.
Таврида.
Середина 7 тыс н.э.*



*Северный бог,
небесные звери и конунг.
Середина 7 тыс н.э.*

который занимался историей Руси. А как восторгался Берендеевой землёй композитор Н.А. Римский-Корсаков, когда писал музыку к опере «Снегурочка»! Русский живописец В.М. Васнецов с большим вдохновением рисовал эскизы костюмов и декорации к «Снегурочке». В русских народных сказках Снегурочку, вылепленную из снега, представляли как символ замёрзшей воды, которая тает под лучами солнца. Не остался в стороне и поэт В.А. Жуковский, – учитель юных императоров, придумал сказку про царя Берендея, его сына Ивана царевича и Марью – царевну. Да и А.С. Пушкин не раз упоминал Берендеево царство.

Как замечательно, что наши предки пронесли сквозь века устные, письменные и художественные памятники культуры народов Руси. Благодаря «Велесовой книге» и другим источникам нам хорошо известны житейской мудрости, правила и обычаи древних славян дохристианской Руси. И главная из этих мудростей: между богами, природой и человеком существует глубокая и неразрывная связь, и только в единении и гармонии можно существовать.



Весна в Берендеевом царстве

Деревушка Берендеевка окружённая плотными лесами, озёрами и вязкими болотами, встретила нас спокойствием и неторопливостью. Живут здесь люди в мире и согласии с окружающим миром. Обособленное проживание сохранило самобытность уклада жизни. Старики нечасто выбираютя в города. Летом приезжают дети да внучата, – по хозяйству старикам подсобить, о здоровье расспросить. Да вдохнуть полной грудью свежий дух хвойных лесов, причаститься к истокам земли глотком воды родниковой.



Пока весна силёнок не набрала, пока дороги морозцем прихвачены, приехали мы проведать стариков наших. А по осени и весне дорога раскиснет так, что едва доберешься. Собственно, для жизни всё есть: добрая земля, леса, полные грибов и ягод, зверя и дичи, лечебных трав и корешков, а озёра и реки богаты рыбой. Вот и живут здешние люди по-старинке, по правилам «Велесовой книги».

Старики сказывают: «Кто заплутает в непролазных лесных дебрях, кто в вязкую трясиину угодит, кто со скользкой мшистой скалы кувырнётся, чуть жив останется. Пойдешь в глухой лес, а там леший кружит, в гиблые места заманивает, в болотину затягивает». Долго толковали деды, пугали нас, лукавили, отговаривали Берендеево озеро искать, ссылаясь на опасность пути, – места-де заколдованные да ненадёжные. Уж больно не хотели старожилы открывать нам тайные тропки.

Эх, была-не-была! Заинтригованные дедовскими рассказами, выспросили мы стёжки-дорожки к скрытым закоулкам Берендеева царства. Захотелось окунуться в заветную тайну северных русов, погрузиться в мир старины далёкой, встретиться со сказочными существами во владениях царя Берен-

дея. Идти придётся через поля, густой хвойник, присыпанный рыхлым снегом, далее по горбатуму хребту – гранитной спине до галечной морены – осыпи. С неё всё царство видать. Потом спуститься в заболоченную низину – корбу (так называют низменные, подтопленные еловые леса) и пройти вязкую болотину. А там за плотным ольшаником да раскидистым ивняком скрывается лесное озеро Берендеево.

Провизии набрали, будь здоров, – кто знает, сколько тамошний леший куролесить будет? Ночью неугомонный старичок – Морозовичок замуровал бархатные мхи в хрупкие шубки инея, цыкнул на птах: те присмирели и до рассвета молчали.



Затемно, когда зоревые блики едва потягивались ото сна, покинули мы жарко натопленную избу и отправились сквозь звонкую тишь спящего мира искать Берендеево царство. Глухая деревенька ещё грезилась сладкими снами. Холодное мерцание Веги, Арктура и Альтаира, хруст льдинок, прохлада раннего утра вмиг смахнули ночную дрему. Когда дневное светило показало свой ослепительный лик, мы были уже на лесной поляне, где особняком высилась старенькая берёза. Одинокая «старушка», облепленная надоедливими трутовиками и грачными гнёздами будто вглядывалась в путников, – уж очень хотелось поведать историю былой юности.

Сырым туманом встретил нас густой хвойник. Вот оно – Берендеево царство! Здороваемся с его обитателями, продираясь сквозь плотную рать еловых лап. Далеко позади в оранжевых лучах купается наше селение со старенькими избами. А статная берёза, не смотря на свой преклонный возраст, молодо румянится на фоне снежной бахромы.

А вот и еловая корба, окутанная непроницаемой тьмой. Свет небесный не проникает сюда даже днём. Болотная жижа и зимой не промерзает, а

сейчас так и вовсе трясина непролазная. Кое-где виднеются горбатые спины каменных валунов и кочкарников. Полусгнившие топляки, изломанные сучья и кусты загромождали болотину. Похоже, глубоко мы забрались в Берендеевы владения. Чу, с низины доносится жутковатое бульканье, может и в самом деле коварные кикиморы проказничают, баламутят трясины, заманивают путников на хлипкие моховые кочки вязкой болотины? Глянь, из жижи вынырнул корявый выворотень, растопыренный крючковатыми корнями, обросшими лохматыми лишайниками, – не иначе леший куражится. Пугает лесовик чужаков, не пускает в свои владения. Да, в таких дремучих местах и в самом деле поверишь в дедовы сказки!

Пробираемся сквозь мрачный ельник и вязкую болотину, а местный леший то и дело куражится, ухает и корявыми сучьями-ручищами за одежду цепляется. Вдруг барсук, откуда ни возьмись, ловко прыгает с валежины на кочку. А мы чем хуже барсук? По хлипким топлякам, от валуна к валуну, – так и выбрались.

Вот оно – озеро Берендеево! Покрытое рыхлым, ноздреватым льдом, озеро уютно вписалось в лесную глушь. Берега густо покрыты хвойником, молодыми берёзами и плакучими ивами. Рыжий тростник неприступной ратью выстроился вдоль берега: шуршит, переговаривается, скрывает потаённые глубины. На том берегу – белоствольная роща берёзовая, стройная и светлая, как невеста на выданье, зачарованно любит себя своим отражением в размытых заберегах. Из корявого кочкарника, из урёмы поёмной вёрткой змейкой бежит в озеро лесная речушка. Шустрая говорушка пробила промоину в оплоте деда Мороза, размывла разомлевший от весеннего тепла лёд, отогнала от устья просевшие ледяные «айсберги».

Журчит речка, каждой капелькой звенит: «Это я пришла, свежей водицы принесла, живи, озеро!» Но под ледовым гнётом озеро несговорчиво: «Не спеши, водица талая, подожди до времени. Вот тебе устье малое да забереги рыхлые. Резвься покуда здесь».

Светлоликая весна чудно разукрасила края здешние, так, что глаз радуется и душа поёт. Птичий щебет оглашает прозрачные леса райской песней. С гранитных скал, ещё недавно спелёнутых снегами, нынче стремится звонкий поток вод неудержимых. Из каменных расщелин в озёрную пучину льётся водопад гремучий. А небо взметнулось высоко – далёко, и не видать ему конца – края. И спешат, торопятся по синеглазой выси кораблики белокрылых облаков. Летят легко и свободно Велесовы стада, зачарованно поглядывая с небес на ладную землю Берендееву. Ах, ладушка – весна, до чего ж ты хороша!

К вечеру похолодало, греемся у жаркого огня. Сумеречные тени и прелые сухостоины оживают сказочными видениями. Корявые топляки шуршат в ледяной шуге, крючковатыми корнями льдины цепляют. И чудится, будто живут тут прекрасные девы – бледноликие русалии да зеленоглазые берегини – хранительницы человеческого рода и природы. Над озером навис гранитный утёс – суровый страж сих безлюдных краёв, молча взирает он на извечную борьбу зимы и лета. В молчании этом покой и величие первозданного мира, мудрость веков и сокровенная тайна старины далёкой.



Дождь в летнюю ночь



Изнурительная жара ошеломила онемевшую истому долгого летнего дня. Наигравшись вволю, ветер тихо упал, словно крылья сложил. Который день ни облачка, ни дуновения, одно сплошное знойное, в зените стоящее солнце. Всё замерло в утомительном ожидании дождя. Где раньше цвет пылал, теперь там лилия потухла, умолк засохший колокольчик и загрустил поникший одуванчик, прикрыла глазки грустная ромашка, склонил головку девясил. На землю смиренно улеглась пожухлая трава. И только дикая роза, истосковавшаяся по глотку воды, доверчиво раскрылась навстречу упоительной капле.

Вдруг как-будто чей-то вздох, и робкий шелест крон шелковых, и резвый ветерок вскружил листву. Белокрылое облачко потеряло игривость и обросло фиолетовыми боками, обратившись косматой тучей. Небо заволкло унылой мглой. К ночи подкрался долгожданный дождик, мелким бисером рассыпаясь по оживающим листьям. Желанная прохлада накрыла запыханный мир.



И вдруг с небес свинцовых дождь зычным голосом взревел: «Ты звал меня? Вот я пришёл».

*И словно раскололось громом небо,
И ослепительно стрела пронзила свод.
Иссохшая земля раскрыла недра.
И капли крупные исторгли звон.
И, словно раненая птица,
Метнулся в небесах огонь.*

Дождь надрывно рыдал, стонал и бубнами бил по иссохшей траве. Земля разбухла и потекла ручьями. И задохнулся я в стихии вод небесных.

– Дождь... Как я долго тебя ждал! Что я сберёг и что утратил долгой дорогой земной? Дождь – ты был свидетелем моей духовной немощи и скорби, разочарований и горьких воспоминаний, томительных ожиданий и незаслуженных обид. Тоскливой песней ты наполнял душу отчаяньем. Когда уж некого терять, когда в душе ночует боль, – что остаётся? И только закадычная подруга – одиночество молча говорит со мной.

*Когда печаль слезами прячет
В молитве грешная душа,
С ней горьким воском тихо плачет
Исповедальная свеча.*

– Дождь... В дни тягостного томления, ты Господь целебными струями чистой воды смывал полынную горечь судьбы. И я распаиваю руки навстречу Тебе и наполняюсь Твоей могучей силой. И говорю: «Отец Небесный, прими молитву покаянную. Благодарю Тебя за благословенный мир, в котором растворился я и который растворился во мне. За то, что разделил со мной непосильную ношу, освободил от оков уныния, одарил любовью своей, сердце чистое сотворил во мне. Ангел безгрешный утешил и радостью одарил. Благодарю тебя, Господи! Благодарю тебя, дождь!»

*Когда озябшая душа в тоске забьётся,
В тенистый сад войду, благоговея.
И сердце, умилившись, встрепенётся,
Отрадой светлой отзовется,
И вскрикнет, задохнувшись, соловей.*

К утру страсти небесные утихомирились. Утомительная ночь выдохлась. Румяная зорька забрезжила на востоке. И радуга упёрлась коромыслом в сияющие небеса. Нежное утро заиграло чистотой и непорочностью. Улеглась моя печаль, просохла мокрая от слёз рубашка и осиялась радостью умытая росой душа.

Очарованный странник – я иду босиком лесной тропинкой. В первозданной юдоли насыщаюсь паревом трав сочных, пряностью цветов полевых, терпким ароматом хвои смолистой. Сосновая ветка обронила последнюю слезу – хрустальную каплю. Озорные

ручьи шумно несут дождевые воды в полноводную речку. И весело журчит родник у трёх неунывающих осин. Пригоршней родниковой воды причащаюсь живительной силой недр земных. Вынимаю последнюю занозу застарелых обид, терзавших сокрушённую душу. Я иду навстречу доброму утру. И жизнь продолжается!

И жизнь продолжается...

Весна ещё не окрепла, а природа уже настрадалась от урагана необузданного, ливня беспросветного, града тяжёлого. А сегодня успокоилась и заиграла радостью, весенней свежестью, чистотой и непорочностью утра раннего. Алая заря возвестила начало нового дня. Натерпевшись гонений, всё блаженствует и отдыхает. В вековом лесу тишина, ни ветка не шелохнёт, ни листочек не дрогнет. Утро наполняется свежими ароматами воды, леса, хвои сосновой, первых листьев и цветов душистых, трав изумрудных. Искрами хрустальными светятся капли дождя ночного, серебряными колокольчиками звенят ручейки игривые. Суется пауки, гудят жуки пробудившиеся. Благодарь!

И вдруг с грохотом и стоном на землю рухнул старый дуб. Всю ночь его трепал полярный ветер, бил град студёный да дождь колючий. К утру силы старика иссякли, упал дуб под ноги своих товарищей лесных. Крепкие и здоровые, деревья стойко выдержали испытания и, напитавшись влагой живительной, засветились листвой молодой, свежей, и на радости расцвели. Жизнь продолжается...

Дуб этот, великан одинокий, – символ долголетия, мужества и мудрости, жил в лесу триста лет и три года. Сморщенный от старости, но ещё сильный и статный, он крепко держался за землю корнями могучими. Много вынес старец дождей изнурительных, ветров ураганных да зим лютых. Но время неумолимо, вся жизнь пролетела, будто вчера. И вот однажды дуб притих и поник ветвями. Листочки его пожухли и облетели, опали несозревшие жёлуди. Птицы, прежде выводившие трели пленительные в густой кроне его, покинули зелёную юдоль.

Пришла зима морозная, стылая да вьюжная, сковала родничок говорливый со студёной водицей, проморозила лес притихший. Но кряжистый великан держался до самой весны. А теперь на вековой лес навалился вихрь дерзкий, подул что есть мочи на отживающего свой век богатыря и обломал старику сухие, отболевшие ветви. Жестокая была битва гигантов: схлестнулся дуб – могучий царь лесов, и ветер – верный страж веков. Исполин надрывно стонал и гневно трещал могучим стволом, да так, что слышно было далеко – далёко. Не согнулся царственный великан перед разбойником лихим, бился не на жизнь, а на смерть. На помощь ветру пришла гроза грозная. Били они тяжёлыми булавами, сверкали острыми молниями,

поджигали огнём небесным, хлестали ливнем колючим по веткам иссохшим, а тот всё не склонялся и врагу не сдавался.

А утром ранним, чуть забрезжил рассвет, увидел деревья товарища своего, на земле распластанного, с корнями вывернутыми, с ветвями изломанными. Разбитый лежал богатырь, противником безжалостным поверженный. Беспомощно цеплялся он за землю руками поломанными. Не дождался старик дня нового, устал жить, – не хватило силушки бороться со стихией жизненной. Осиротели, опечалились жители лесные. Склонили головы товарищи, дубки родные, и все былинки загрустили.



А к следующей весне на месте упавшего дерева выбрался на свет божий маленький росток, рождённый от могучего отцовского семени. Соки недр земных, таинственная сила бытия, сокрытая в живоносном жёлуде, пробудила к росту молодое потомство. Мать-природа напоила сынка водой живой, напитала силой богатырской. Жизнь продолжается...

Рос отрок юный не по дням, а по часам, и к весне новой стал молодцем статным да сильным. Расправил дубок плечи могучие – сажень косая, врос в землю, раскинул руки-ветви, обхватил корнями крепкими камни – валуны и дотянулся до источников живых, глубоких. И встал сын вместо отца. Прошли новые лета и новые вёсны. Возмужал дубок и устремился высоко в небо. И каждый год теперь шумит и кудрявится, ветви сильные расправляются. И в густой кроне его гнездятся птицы певучие, и оглашают леса трелями звонкими.

Налетит суровый Борей северный, гнёт и ломает ветки добру молодцу, а тому всё нипочём. Навалится снег тяжёлым бременем, а тот поведёт широким плечом и стряхнёт надувы снежные, и опять стоит себе, посеребрённый инеем, красуется.

Осерчал бездомный ветер – бобыль, позавидовал, что о нём никто не печалится, любовью не делится. Молвит: «Где подую я, там и родина.

Погоди у меня, закручинишься». Залетел он в чащобу тёмную, отыскал там молодца, навалился на него неистово. А дубок расправил ветви раскидистые, упёрся корнями могучими в землю родную и победил неприятеля грозного. Удивился злодей, растерялся, откуда сила такая богатырская? Испугался разбойник, да и убрался восвояси. А дубок и теперь стоит на семи ветрах, на радость вам и нам. И жизнь продолжается...

Вот и ты, бегаешь, суетишься, всех любишь и прощаешь, никого не обижаешь, обиды горькие глотаешь. От непосильного груза прошлого, тяжёлой ноши настоящего и от забот грядущих всё сгибаешься, к земле склоняешься. Так и молодость проходит, вся жизнь в трудах праведных пролетает, а о себе всё забываешь, и пожить-то не успеваешь. И вот однажды рухнешь на земь, как дуб тот, раздавленный бурей жизненной. Кому ты нужен немощный?

И вдруг однажды всё разом меняется с дождями тёплыми, весенними, с каплями хрустальными, звонкими, с ручьями журчащими. Старые горечи и

Как белка победила ястреба

На разлапистой сосне ловко прыгает рыжая белочка. К её животу прицепился новорождённый бельчонок. Вероятно, семейство переезжает на новую квартиру. В дупле, выложенном пухом, мхом и сухими листьями её ожидают бельчата. Белочка кормит малышей ягодами, грибами, сосновыми, еловыми и кленовыми семенами. Белки не уходят на зимовье в тёплые края, поэтому маленькой трудяге надо заготовить большие запасы.

Белочка нашла грибок и закапывает его под кустом. Но её преследует хвостатый шпион, – другая белка, которая бежит по пятам и подглядывает за чужими кладовыми. Хитроумная белочка оказалась сообразительной: она сделала вид, что прячет добычу, а сама грибочек прихватила с собой и бросилась наутёк. Воришка разворошила вороха листьев и... осталась «не солоно хлебавши»; а грибочек был припрятан совсем в другом месте.

Вдруг тишину леса нарушило тревожное цоканье: это с белочкой случилась беда. Она забилась в густые заросли колючего можжевельника и прячется от хищника. А кто там притаился на сосновой ветке? Это ястреб – тетеревиатник! Пернатый охотник решил перекусить белочкой, но рыжая красавица оказалась проворней и скрылась в колючем кустарнике. Звонким клёкотом «кийяя» тетеревиатник сообщил об атаке. Сложив крылья, ястреб грудью пробил плотные заросли деревьев и взял кустарник в длительную осаду.

Ястреб – тетеревиатник – хищник коварный и ловкий. Широкие крылья и длинный хвост позволяют ему легко маневрировать в полёте, быстро менять направление, резко тормозить и достигать большой скорости. Ястреб на лету бьёт любую

обиды смываются, душа очищается, любовь и надежды пробуждаются. И вот ты плещешься в струях водопада гремучего, силушки набираешься. Белокрылой чайкой, соколом смелым взлетаешь высоко, высоко, под самое небо, тучу грозовую пронзаешь и побеждаешь. И чудо свершается! И небо светит ярче, и солнце теплее, и люди добрее. Откуда ни возьмись, является давно забытая мечта, спрятанная в складках души одинокой глубоко, глубоко.

С чего бы это? А просто с весной новорождённой жизнь обновляется. Сбросить надо груз непосильный прошлого, скинуть тяжёлую ношу забот грядущих, залатать раны душевные ноющие, разогнуться, расправить плечи и взором ясным увидеть мир прекрасным. Красоту понять в песчинке крошечной на берегу моря – океана синего, в дыхании листочка свежего, в полёте мотылька нежного. Красота, она во всём! И вот уж любовью и молодостью наполняешься. Ещё не поздно, и можно всё начать сначала. И жизнь продолжается...



птицу. А белка для него – лёгкая добыча. Бесстрашный охотник может справиться с серой цаплей, с гусем или крупным зайцем, в кроне деревьев устраивает засаду на мышей, уток, куропаток, голубей, воронов.

Тетеревиатник кружит над кустом можжевельника, садится на ветку и тянется мощной лапой к белке. Азарт охоты берёт своё: воздушный пират ищет лазейку, чтобы схватить желанную добычу. Но белочке вовсе не хочется попасть в ястребиные когти, ведь дома её ждут маленькие бельчата. Ловко бегая по стволу вверх-вниз, она всякий раз ускользает от хищника.

Наконец терпение пернатого охотника иссякло. Смирившись со своим поражением, ястреб взмахнул крыльями и отправился в ближайший лес искать другую добычу.

А белка выбралась из своей неприступной крепости и бросилась удирать в надёжное укрытие. Вот так маленькая белочка победила грозного ястреба.

Как сватался лось

В осеннем лесу тишина. Утреннее солнце пробивается сквозь густой лапник и плотную стену багровых листьев. Мягкий свет льётся на сырую ложбинку, по которой звонко бежит журчащий ручей. Вдоль ручья на водопой идёт статная лосиха. Она спускается к глухому озерку и смело заходит в воду. Лосиха брызгается, фыркает, наслаждаясь купанием в чистой воде. Пологий берег, густо заросший лакомствами, – настоящее раздолье для лосей. Здесь сочная осока, пышный хвощ, ароматный рогоз.

Вдруг на берег вышел юный лось с маленькими, едва отросшими рожками. Увидев ладно сложенную самочку, лось взволновался, загорелся желанием познакомиться. Правда, оба делают вид, будто просто пришли на водопой. А краем глаза зорко наблюдают друг за другом. Лоси осенью озабочены поисками партнёра, у лесных великанов начинается пора брачных игр. Лосихе приглянулся молодой юнец и она одарила его знаками своего расположения. Она, то выходила на берег, то вновь погружалась в воду, демонстрируя свою статью. Лось затрепетал, он то приближался, то вновь отдалялся от будущей подружки, не решаясь раскрыть свои намерения. Им всё больше овладевало волнение, но он не знал, как завоевать симпатию избранницы. Самец остановился в смятении, так и не сумев познакомиться с грациозной невестой. Похоже, он не станет её возлюбленным. Лосиха ещё долго ходила по заболоченному берегу озера и, не дождавшись приглашения и мужского напора, гордо вскинула голову и отправилась в лесную чащу, на прощанье окинув застенчивого жениха холодным взглядом, полным разочарования.

Лось хотел, было, последовать за ней, но его пугало презрение лосихи. Он долго топтался на месте, нюхал траву и воду, где только что купалась несостоявшаяся невеста. И вдруг мольба и гортанный призывный клич разбуженного страстью самца огласили окрестности. Стон сохатого, томящегося



любовой страстью, протяжным эхом прокатился по озеру, притихшему бору и растаял где-то у лесной опушки. Ему никто не отвечал.

И вдруг из леса величаво выплыла лосиха, окутанная ореолом заката. Она услышала страстные призывы незадачливого кавалера и вернулась. Теперь ей понятна неуверенность робкого юнца, и



она знала, что надо делать. Лосиха уверенно подошла к нему и позвала за собой. Самец затрепетал, радостно засуетился и стал придумывать несуразные брачные игры: непрерывно мотал головой, тыкал лосиху копытом в пышный круп и больно бодался острыми рожками. Но ему всё прощалось, подружка покорно принимала неуклюжие знаки внимания и уводила неумелого поклонника в лесную чащу.

Солнце завалилось за высокую сопку, поросшую ельником. Сквозь плотный лапник сочились всполохи угасающего света. А влюблённые уходили всё дальше и дальше под полог хвойного леса, унося на кончиках рогов остатки закатного огня.



Сказание о чудесной птице-песне

*Посвящается 180-летию
карело-финского эпоса «Калевала»*

Повествует эпос о древней стране Калевала, Великом Мудреце Вяйнемейнене, богатыре Илмаринене, выковавшем мельницу Сампо. Выковал кузнец чудо – мельницу и дал людям хлеб и соль. Сказание это о весёлом и отважном охотнике Лемминкайнене, о смелых рыбаках, о красавице Айно и злой старухе Лоухи, укравшей у людей мельницу Сампо, Луну и Солнце. Герои победили коварную старуху Лоухи, живущую на земле Похьёлы, вернули людям светила, избавили от зла и сделали их счастливыми.



С глубокой древности до наших дней дошли эпические песни – руны народов древней Калевалы. Собрал сказания финский учёный – этнограф Элиас Ленрот в 1835 – 1839 годы. Первым исполнителем эпоса «Калевала» на кантеле-гусях стал рунопевец Петри Шемейкка, бронзовый памятник которому стоит в карельском городе Сортавала.

Удивительный эпос! С чем связано его появление, в чём таинственный смысл древнего сказания? Становится ясным, когда окунёшься в глубину седой старины. Фенно-угры последними в Европе приняли христианство, и не мудрено. Удалённые от цивилизации северо-западные земли оказались труднодоступны для христианских миссионеров. Живя на лоне первозданной тайги, человек зависел от природы, от охоты и рыболовства. Угрюмая и мудрая задумчивость глуши, журчание укромных лесных речушек, рокот беломорского прибоя и посвист полярных ветров вызывали преклонение перед силами природы, а значит, обращение к богам о помощи. Таёжные просторы, берега потаённых лесных озёр – ламбушек в сознании людей были пристанищем сонма духов, русалий, белых и чёрных богов, от которых зависели не только погода и улов, но и сама жизнь человеческая. Стоит рыбак



на берегу перед ловом и разговаривает с озером, небом, кланяется, просит удачи. В сей миг он сливается с бесконечно разумным миром, становится его живой частицей. Человек обращает непокорную стихию в друга, который в лихой час поможет выбраться из передрыги, одарит богатой добычей. Описанные в эпосе события – это отражение жизни древнего человека, его вечной борьбы за существование.

Отшельничая в заповедных дебрях Приладожья вдаль от дорог и жилья, плаывая по могучему озёру и бурным рекам, сталкиваешься с трудными для человека условиями существования. Здесь человек и природа сливаются в неразрывную сущность, полную мудрости и гармонии. И именно здесь мог родиться удивительный, драматический эпос.

Однажды я услышал чудесную песню эпической Птицы. И поведала мне Птица-Песня свою тайну. Родилась она в устах мудреца Вяйнемейнена когда-то в глубине веков. Сидел мудрец на высокой скале, пел руны – песни, перебирал звонкие струны своих кантеле. А под скалой кипело и пенилось озеро. И оборотилась эта Песня Птицей. Опускалась Птица в пучину вод и поднималась до самых звёзд, – ведь она была свободна!

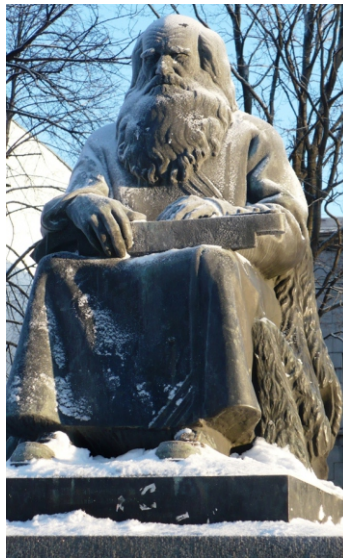




А Песня Великого старца была о том, как всё начиналось: как крутые волны прибили к берегу чёлн Вьянемейнена, к берегу голому и пустому, где ни деревца, ни травинки, камни одни. Схватился мудрец за гребни волн и ступил на Землю Калевалы. Светило ему тогда юное Солнце, молодой Месяц сиял над головой, а семизвёздная Медведица учила мудрости жизни. Засеял Мудрец на высоких горах сосны, на необжитых холмах – ели, на гранитных скалах розовый вереск, на болотной трясине – ракиты. На песках сыпучих сажал колючий можжевельник, по берегам непокорных рек – могучие дубы, а на пустующих полях – хлеб добрый. «Пробудись, земля родная! – пел могучий предок, – Недра тёмные, проснитесь! Дайте вы росткам пробиться, чтобы сотни нежных всходов зацвели, заколосились. Повелитель гроз небесных, ты пошли большие тучи, тучи с севера и с юга, пригони ты их с востока, принеси ты их с заката! Ниспошли ты дождь на землю, пусть из тучи мёд закаплет, чтоб колосьями литыми зашумело это поле!». Так начиналась страна Калевалы. Пел он о том, как встает золотое Солнце, как уходит за скалу серебристый Месяц, как лютую стужу сменяет короткое лето, как над дремучими лесами ночью высыпают звездные искорки, а днём всё вокруг ликует и радуется жизни. Пел мудрец и о Героях Калевалы, победивших коварную старуху Лоухи.

И вдруг однажды порывистый ветер подхватил песню и птицей понёс далеко – далёко, на самый край небес. Пела птица, и все люди и звери, леса и горы услышали её чудный голос. Каждая веточка в лесу, каждая травинка узнавала ее. Одно дерево запевало, а другое подхватывало, и уж подпевал вес лес. И ветер тоже запел, да так завыл протяжно да мощно, что повалил много деревьев и сбросил огромные камни-валуны в озёрную пучину. Филин вылез из дупла, притаился на сосновой ветке и тихо слушал. А за ним вылезли из глубоких нор все зверушки, а из гнёзд – все птахи. Даже рыбы, зачарованные дивными звуками, бесстрашно высунули из воды головы свои серебристые. И лесные и водяные духи заморожено слушали. Лишь грозные полярные ветры не слушали, они неслись вихрем, студили и промораживали скалы и землю.





Покинула Землю Птица – Песня, улетела на самую дальнюю звезду Вселенной и унесла с собой тайну начала всех начал, тайну вечности, любви и гармонии. И стихли волшебные звуки. И тень легла над землёй Калевалы. Загрустила земля, леса и воды, небо насупилось, умолкли птицы и звери. Оставила людей любовь, забыло счастье. И обещала Песня вернуться, когда хоть одно живое существо вспомнит о ней и захочет услышать её.

И захотелось мне узнать тайну Птицы – Песни и услышать, как звучит она. И вот однажды морозной зимней ночью, тёмной и тихой, я сидел на берегу скованного льдами глубокого озера на самом большом камне самой высокой скалы.

И позвал я Песню, да так громко, что эхом далёким покатился мой голос по гремучим сопкам. И вдруг всё наполнилось таинственными звуками, – затрещали стволы промёрзших деревьев, озеро оглушило канонадой лопающейся ледовой брони, заухал водяной, казалось, будто пронзительный рык разъярённого зверя раскатистым эхом отозвался в прибрежном лесу.

Выкатился молодой месяц и зацепился остроко-нечным рогаликом за макушки елей. Заснеженные еловые шапки окунулись в лукавое его сияние, переливаясь бриллиантовыми блёсками. Млечный Путь, проглотив темноту, посеребрил небесный купол. Звёздным взором таинственная ночь загля-делась в озябшие лесные дебри. Сколько звёзд, сколько мерцающих огоньков осветили бескрайний Космос!

И небо вдруг стало ярким и светлым, как днем. Это Северное Сияние дивным светом зажгло поднебесье и разноцветными всполохами озарило землю. Замороженные леса засверкали феерическими переливами. Зелёные, красные всполохи арабесками заметались над притихшей тайгой, и снег заиграл изумрудными искорками. И засияла земля!

И понял я: это вернулась она, Птица-Песня, озарив весь мир чудным светом. Она была не большая и не маленькая, а так, – одним крылом

земли касалась, а другим звёзды задевала. И запела. И зазвучал её волшебный голос, словно серебряные струны старинного кантеле. И нет той песни краше!

И услышал я, как шумит озорной ветер, как журчит вода звонкими каплями в лесном ключе. Как шепчутся молодые сосны и кряхтят старые ели, как задышала дубрава. Как заворчал медведь, пробудившийся от долгой спячки. Как очнулась от долгого сна Фея любви и счастья и согрела теплом своим сердца людские. И ожила земля! Песня была о том, что нет роднее этих седых скал, что от древности своей остыли и нахмурились. Что ничего милее нет земли родной. Птица все пела и пела. И забыл я тогда о времени и о себе и окунулся в тайну старины далёкой...

Долго сидел в оцепенении сказочного сна, уж светать стало. Вдруг чудесный голос стих. Только нежные отзвуки далёким эхом катились в ущельях и смолкли вовсе. И я очнулся. А Песня навсегда осталась в моей памяти. Я иногда ее пою. Когда наедине с тайгой бескрайней, когда нахлынут озёрные гребни волной могучей, и белокрылый сокол взвьётся в лазурь бездонную, когда Душа парит и с небом сливается. И все живые существа приходят меня послушать...

А, может, и вправду есть эта Птица-Песня?

